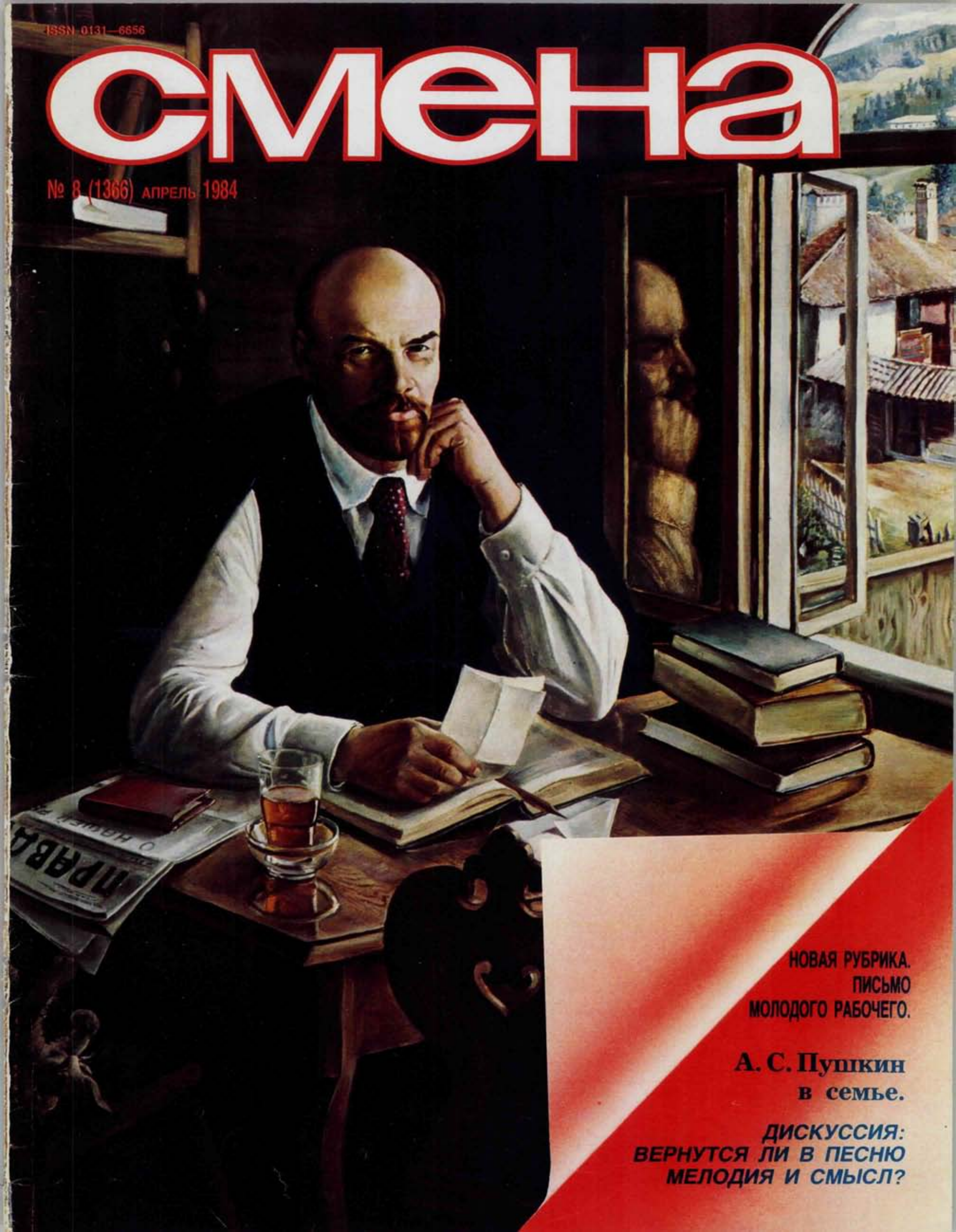

СМЕНА

№ 8 (1366) АПРЕЛЬ 1984

НОВАЯ РУБРИКА.
ПИСЬМО
МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.

А. С. Пушкин
в семье.

ДИСКУССИЯ:
ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ
МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?

ЛЕНИНСКАЯ ЗАБОТА ЗАБОТОЙ СОПРЯЖЕНА

Трудящийся подросток в первые годы Советской власти

Неузнаваемо изменились за минувшие десятилетия условия, при которых вступают в самостоятельную жизнь, начинают свою рабочую биографию миллионы юных граждан нашей страны. Совсем другие проблемы возникают перед каждым из них, нежели это было в первые послереволюционные годы. Правовые интересы молодых рабочих сегодня строго охраняются установленными законодательными актами. Предприятия разрабатывают специальные планы повышения квалификации влиятельных в их коллективы подростков, заботятся об их общеобразовательном росте, улучшении жизненных условий, досуга.

Конечно, не все эти проблемы уже решены повсеместно. Поэтому Коммунистическая партия и ставит перед соответствующими государственными органами, перед Ленинским комсомолом задачу дальнейшего совершенствования системы подготовки достойной смены рабочего класса, чтобы как можно в более раннем возрасте каждый юноша или девушка находили подлинное трудовое призвание, безошибочно определяли свою профессию на многие годы.

Поиски самых действенных, самых коротких путей к точному выбору подростком своей рабочей специальности, которая бы не только не разочаровывала его в последующем, но, наоборот, доставляла ему радость и удовлетворение, помогала его творческому росту, крепила в нем гордость за свою нужную людям профессию, — дело не такое уж простое. И потому так важно сегодня вновь и вновь прибегать к ленинскому первоисточнику, к документам партии, в которых очерчиваются ориентиры трудового воспитания юношества, находить единственно верные, теоретически выверенные, оправданные самой практикой формы и методы воспитательных усилий, отвечающие как новым общественным потребностям, так и растущим жизненным интересам подростков. Ведь в социалистическом обществе труд всегда был и будет главным источником прогресса, твердым гарантом всестороннего развития личности.

Постановление Совета Труда и Обороны, которое воспроизводится здесь по четырнадцатому номеру «Бюллетеня трудового фронта» (официальное издание Народного комиссариата труда), выпущенному 8 июля 1921 года, было подписано В. И. Лениным 1 июля 1921 года.

Какова история возникновения этого документа?

Что послужило причиной для обращения руководителя рабоче-крестьянского государства к решению проблемы, связанной с защитой интересов работающих подростков?

Прежде чем ответить на эти вопросы, расскажем коротко о ленинском отношении к этой проблеме в предшествующие годы.

Охране труда малолетних посвящены специальные пункты в выработанном В. И. Лениным проекте программы партии. В десятках работ вождя предоктябрьского периода встречаешь страстный призыв отстаивать права подростков, которые вынуждены с ранних лет включаться в систему капиталистического производства, подвергаться жесточайшей эксплуатации, калечащей их здоровье, лишаящей света знаний, радости детства.

Первые ленинские декреты, ознаменовавшие рождение новой эпохи, заявили всему миру позицию рабоче-крестьянского правительства и в сфере жизненных прав подрастающего поколения. Уже 29 октября (11 ноября) 1917 года, на четвертый день существования Советской власти, декретом Совета Народных Комиссаров о восьмичасовом дне определялось, что «малолетние, не достигшие 14 лет, к работе по найму не допускаются», что «рабочее время не достигших 18 лет не может быть про-

должительнее 6 часов в сутки», что «в ночное время воспрещается пользоваться трудом рабочих женского и мужского пола в возрасте до 16 лет», что не достигшие восемнадцатилетнего возраста не допускаются к сверхурочным работам. Молодежи была предоставлена возможность бесплатно получать образование и профессию. Была введена охрана детского труда. Малаживалось профессионально-техническое обучение подростков.

Подписанный В. И. Лениным декрет Совнаркома от 20 июня 1919 года прямо подчеркивал, что «необходимым условием окончательного торжества рабоче-крестьянской революции является поднятие производительности народного труда... наиболее быстрым и верным способом такого поднятия является расширение в широких народных массах профессионально-технических знаний и умений». — В том же 1919 году, ознакомившись с тезисами «К борьбе за восстановление народного хозяйства», Владимир Ильич против двадцать четвертого тезиса пишет: «Это да». А именно здесь речь шла об организации профессиональной подготовки подростков непосредственно на производстве. Автор тезисов предлагал следующее: «Так как в процессе революции не только распылились квалифицированные рабочие, но прекратилось и выделение новых кадров, необходимо организовать ученичество в заводах на новых началах с государственным премированием лиц, отдающих своих детей в предприятия на выучку, с одной стороны; и с премированием рабочих и мастеров, от которых зависит успешность выучки — с другой...»

Характерно, что уже 18 сентября 1919 года В. И. Лениным было подписано постановление Совнаркома, которым уве-

личивались тарифные ставки ученикам и подросткам. Их заработная плата с 1 сентября возраслась на сто процентов.

Осенью того же года Владимир Ильич посещает опытно-показательную школу профессионального образования Наркомпроса, беседует с учащимися, интересуется их бытом, учебой. Через некоторое время он поддерживает предложение о передаче Наркомпросу имени «Знаменское» для организации там опытно-показательной коммуны для подростков.

Обращается В. И. Ленин и к вопросу об охране прав работающих подростков. 30 января 1920 года в рукописном экземпляре протокола заседания Малого Совнаркома он утверждает пункт номер один, где речь шла об ассистентах-инспекторах труда из среды рабочей молодежи, которые занимались контролем за соблюдением на предприятиях трудового законодательства, охраняющего права подростков. 28 апреля 1920 года Владимир Ильич подписывает «Временные правила Совнаркома об отпусках рабочим и служащим в 1920 году». Этим документом продолжительность отпуска всем работникам устанавливалась в две недели, а подросткам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, дополнительно предоставлялся еще двухнедельный отпуск.

29 июля 1920 года Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома, которым все рабочие в возрасте от восемнадцати до сорока лет обязывались пройти учебную профессионально-техническую подготовку. Действие декрета распространялось на все предприятия и железные дороги республики. Специальным пунктом в декрете предусматривалось: «В тех предприятиях, где не организованы фабрично-заводские школы для подростков и учеников, учебная повинность распространяется на лиц с 14-летнего возраста».

Подлинно отеческой заботой о коммунистическом воспитании юношества в процессе активной трудовой деятельности проникнуты строки программной ленинской речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 года.

Переход к новой экономической политике самым непосредственным образом затронул жизненные интересы трудящегося юношества. Государственные предприятия, действуя по принципу хозрасчета, естественно, заботились об удешевлении выпускаемой продукции. Как проще достичь этого? Сокращать штаты работающих. Кто в первую очередь подпадал под число увольняемых? Само собой разумеется, что это были менее квалифицированные кадры и в первую очередь молодежь, подростки. Сокращение работающей молодежи на некоторых заводах и фабриках приобрело чрезвычайно массовый характер. Кое-где было уволено до трети всех занятых на производстве подростков. О размахе этих сокращений уже в первые месяцы июля можно судить хотя бы по предприятиям Рыбинска. Так, к январю 1922 года из 933 подростков там было уволено 305 человек. А в целом по стране

число безработных подростков выросло до огромных размеров. К концу 1921 — началу 1922 года число рабочих-подростков от 14 до 18 лет сократилось в промышленности республики с пяти-сот тысяч до ста девяноста двух тысяч.

Наряду с подобными тенденциями на государственных предприятиях молодежь заметно страдала от усилившейся эксплуатации, от беззащитного посяпания советского законодательства со стороны владельцев частнособственных предприятий. Под любыми предлогами изманы уклонялись от заключения трудовых договоров с молодыми людьми, а затем беззащитно эксплуатировали их труд, побуждая при мизерном заработке безработно работать по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Это не могло не вызвать беспокойства со стороны ЦК РКСМ.

С весны 1921 года Центральный Комитет комсомола вынужден был постоянно заниматься этой проблемой, принявшей прямо-таки угрожающий характер. «Май — июнь 1921 года, — вспоминал работник ЦК РКСМ тех лет Ф. Плещинский — превратили Центральный Комитет нашего союза в настоящий, дополненный комиссариат рабочей молодежи по экономическим делам. Не проходило дня, чтобы в ЦК не получали из какой-либо рабочей организации союза известия об увольнении рабочих-подростков. Принимая все эти известия обыкновенно заканчивались грозным требованием — принять необходимые меры для ослабления этого похода против подмастерья».

Однако не так просто было приостановить увольнение подростков. Условия июля, когда государственные предприятия перешли на хозрасчет, а владельцы предприятий частнокапиталистического сектора прямо-таки распоясались в своем отношении к молодым рабочим, объективно способствовали тому, что положение дел с трудоустройством подростков ухудшалось. Нужно было принимать экстренные меры.

13 июня 1921 года секретариат ЦК РКСМ обсуждал вопрос о положении рабочей молодежи. И вслед за этим руководители комсомола посчитали необходимым проинформировать Владимира Ильича о положении дел специальной докладной запиской. 24 июня такая записка с предложениями об урегулировании увольнения подростков, а также возможных путей их быстрого трудоустройства была направлена В. И. Ленину. Из тома Биохроники, вышедшего несколько лет назад, известно, что в тот же день Владимир Ильич ознакомился с запиской комсомольцев. Ибо, председательствуя 24 июня на вечернем пленарном заседании Совета Труда и Обороны (СТО), он дополняет повестку дня целым рядом вопросов, и среди них таким: «Рабочие — члены союза молодежи». Видимо, по предложению Владимира Ильича тогда же и была образована комиссия из представителей ЦК комсомола, ВСНХ, ВЦСПС, Наркомтруда и Наркомпроса, которой предстояло выработать проект поста-

БЕЖАТЬ ОТ ПРИЗВАНИЯ?

Я строитель. Просто строитель. Это моя профессия. Это мое призвание.

Прошло всего семь лет, как я окончила училище, где получила рабочую специальность облицовщицы. Уже семь лет. Хотела сразу поступить в техникум — не получилось. Уехала на Украину работать по специальности. Уехала, плохо себе представляя, что это такое — быть рабочим человеком. Трудностей было достаточно. Не все сразу сложилось гладко в коллективе, не все получалось на работе. Бывало, что до слез тянуло в родную деревню, а родом я из Белоруссии. Но постепенно все налаживалось, и в сем-

надцать лет я уже почувствовала себя настоящим рабочим человеком, а это очень серьезное звание. Давно уже оправдала я по всем статьям присвоенный мне четвертый разряд.

Я полюбила свою работу, поняла, что строить — мое дело в жизни. Но знаете, часто слышу: «Стройка?! Тоже нашла работу, что хорошего?» Или еще: «Неужели нельзя лучше чего-нибудь найти? Сколько работы вокруг чистенькой, без сквозняков...» И вот раньше на меня такие разговоры невольной действовали. Появлялись мысли: «Уйду со стройки. Отработаю два года и уйду». Прошло два года, по комсомольской путевке меня направили на строительство олимпийских объектов в Киев. Мне очень понравился город, увлекла работа, и

уже не приходили в голову мысли уйти со стройки.

Потом я снова вернулась в Ворошиловград. Наша комсомольско-молодежная бригада, которой руководит Анна Павловна Козут, одна из лучших в тресте. Я горжусь своей рабочей специальностью, считаю ее одной из самых почетных, самых нужных для людей.

Я вышла замуж, у меня растет сын. Словом, все хорошо. Но вот что волнует и возмущает меня постоянно. Есть люди, которые о девушке, работающей на стройке, спокойно могут сказать молодому человеку: «Она же со стройки, значит, не пара тебе». И говорят это, допустим, парню, который пристроился работать в магазине кассиром. Понимаете, уве-

Мы открываем новую рубрику — «Письмо молодого рабочего», — выделяя в особый ряд то, в чем хотел бы разобраться молодой труженик наших дней, проблемы, которые его волнуют, тревожат, вызывают его особый интерес. Разумеется, разговор этот немаловажен без вашей помощи, дорогие читатели!

ЧТО ЕСТЬ ДОСТОИНСТВО?

Василий ФРОЛОВСКИЙ,
электросварщик СУ-14
треста «Рязаньстрой» № 23,
ударник
коммунистического труда

Мы с Диной почти ровесники. Я тоже «просто строитель», тоже несколько лет назад окончил строительное училище. Правда, специальности у нас разные, но дело-то одно и место работы одно — стройка.

Не хочется повторять прописные истины: что строители — первооткрыватели, что с них начинается все на земле, что труд наш почетен... Это знают все. Вопрос в другом: почему все же тянутся многие молодые люди работать где угодно, лишь бы не в брезентовой робе? Посмотрите, сейчас ведь везде, чуть ли не с детского сада начиная, пропагандируют рабочие профессии, а пошла девушка в строители, так ей «общественное мнение» со всех сторон подсаживает: глупо поступаешь, никто замуж не возьмет...

Любопытно и другое. Еще не так давно «провалиться» на экзаменах в институт считалось чуть ли не трагедией. Как же — остаться без диплома! Сейчас к этому относятся спокойней. Да и конкурсы в вузы, во всяком случае, многие технические, поуменились. Говорят уже о снижении престижа инженера. То есть промышленное производство или стройка непопулярны уже на многих уровнях. Что же остается? О, мест сколько угодно! Продавец, буфетчик, завкладом, приемщик посуды... Тепло и тепло. Нет, я вовсе не хочу обидеть работников сферы обслуживания, быта. Их труд необходим всем нам. Но я против того, чтобы на человека, избравшего рабочую специальность, пошатывали свысока.

Откуда берется такое отношение? Уверен, все начинается с семьи. Профориентация, пропаганда рабочих профессий — это все, конечно, нужно. Но в

то же время и бесполезно, если юноша или девушка в школе слышат одно, а дома — совсем другое. У меня, положим, такой проблемы не было. Отец — сам сварщик. Когда я сказал, что хочу поступить в строительное ПТУ, он меня понял правильно и не возражал. Но сколько еще есть рабочих семей, где детям постоянно внушается: не ходи в строительное, иди в торговое, в кулинарное. Причем и сами родители об этих профессиях ничего толком не знают, кроме одного: всегда «дефицит» можно достать, всегда сыт будешь. Но это же только внешняя, примитивная сторона дела.

Знакомые Дины говорят: можно найти чистую работу. А я скажу больше: можно вообще не работать! Вы никогда не видели, как по утрам, чуть свет, толпятся у магазинов крепкие, здоровые мужики, ждут, когда можно будет опохмелиться? И молодежь среди них появляется. Почему не работают, на какие средства живут?

Средства, оказывается, можно получить разными способами. Помочь что-то поднести, разгрузить. А можно просто прибрать к рукам что-то плохо лежит. Или пустые бутылки собирать. Деньги небольшие, но на закуску хватит. Еще «чище» занятие — вещи перепродавать. Впрочем, это уже опасно, Уголовным кодексом пахнет...

Рассуждения о непыльной работе меня в общем-то не очень задевают. Ну, можно устроиться барменом или, еще лучше, пивом торговать. Выгодно, наверное... Но... не представляю себя на подобном месте. А когда вижу за прилавком в магазине или на рынке сверстника, как-то даже неловко становится. Между прочим, он тоже на сквозняке весь день, и ему гораздо хуже: я-то хоть в работе, не мерзну. Но вот иду я мимо кинотеатра «Октябрь», что с моим уча-

стием построен — такой красавец дворец стоит, душе приятно. Есть на что посмотреть, есть что вспомнить. А тому, на рынке, что вспомнить? Мятые рубли в кармане? Нет, не позавидуешь такой доле...

Мне кажется, те, кто выбирает себе «теплое местечко», сами обделяют себя в главном — у них вряд ли есть настоящие друзья, товарищи. Ведь людей, как правило, соединяет и сплачивает общее дело. Что у меня общего с молодец-гренадером, торгующим пепси-колой? Да нам даже поговорить не о чем будет.

А вообще-то мне жаль этих парней. Честно. Молодец за прилавком внешне горд и неприступен, а то и хамоват, высокомерен, но в глубине-то души,

думаю, не умерла в нем мысль: а так ли начал жизнь? Не размениваю ли лучшие годы на мелочи, на пустяки, о которых потом стыдно вспомнить будет?

Мне возражат: ничего такого они себе не думают. Не верю. Ведь должно быть у человека чувство собственного достоинства? Должно. А раз так, то нельзя не задуматься, почему же ты занимаешься делом — ты, мужчина в расцвете сил! — с которым справился бы пенсионер и слабая девушка? Какие способности и таланты ты безнадежно, бессмысленно, глухо губишь в себе? Почему твои руки, молодые и еще сильные, не знают ни тепла дерева, ни шершавой твердости камня, ни холодной крепости железа? Знают только липкое стекло использованных банок и безжизненный шелест потерянных купюр?.. И если парни не думают об этом сегодня, то мне жаль их еще больше. Потому что сегодня, пока они молоды, еще есть время что-то исправить. А каково будет думать об этом, когда и исправить уже ничего нельзя?..

А если они вообще не задумаются об этом? Значит, не было и нет в них настоящего чувства человеческого достоинства. А, на мой взгляд, жить без него — хуже и обиднее ничего не придумаешь.

Работа у нас действительно не «чистенькая» и сквозняков хватает. Вот сейчас мы строим животноводческий комплекс. До холодов не успели «закрыть» корпус — стекол нет, отопления тоже. Так что сквознячок — будь здоров! Плохо с техникой: нужен кран и бульдозер, а их не дают. И траншеи под разные инженерные коммуникации роет вручную. Лом да лопата — вот вся техника.

Почему так сложилось? Дело в том, что объект внеплановый. Тут и другой вопрос возникает: а зачем мы взялись

за строительство, если нет гарантий в материально-техническом обеспечении? Зачем обрекать себя на тяжелые условия работы?

Вопросы логичные, но есть моменты, когда логика отступает на второй план. Как бы там ни было, комплекс-то растет и будет введен в строй раньше, чем это могло произойти в плановом порядке. Я, конечно, не за то, чтобы все строить вне плана, создавать искусственные трудности. Но в данном случае речь идет о выполнении Продовольственной программы, преобразовании Нечерноземья.

Высокие слова? Какие ж тут слова, если комплекс намного раньше начнет давать продукцию. Мы, конечно, поругиваем беспорядки на стройке, но в глубине-то души понимаем, что бывает, когда

иначе нельзя. Лишь бы не превращать временные трудности в постоянные.

Что меня волнует, как и Дину, — это снижение престижа профессии строителя — самой массовой, к стати говоря, профессии. Отчасти мы, строители, сами в этом виноваты. Ведь стройки, как правило, у всех на виду, а что нередко видят люди? Образчики бесхозяйственности, неряшливости. Кому не знакома такая картина: построен новый дом, а кругом кучи застывшего бетона брошены, панели, битые кирпичи, трубы валяются. Совсем беда, если в новом доме крыша течет, полы вкряк и вкось, двери не закрываются. И такое бывает. Что человек подумает о строителях? Ясно что — халтурщики, бракоделы.

Вот таким отношением к делу строитель и подрывает свой авторитет, престиж. Отчего рождается халтура? Можно, конечно, сослаться на плохое руководство, на разные объективные причины. Но только ли в этом дело? И в людях тоже. В твоём уважении к профессии, к своему труду. В чувстве долга и хозяина, наконец. Да и просто в точном исполнении обязанностей, а на это в принципе способен каждый.

Я как-то разговаривал с одним заводским мастером, который делает панели, плиты для сельского строительства. Жаловался он, что цех, бывает, неделями простаивает.

— А почему, — спрашиваю, — вы такой брак гоните, что смотреть тошно? Пока вашу панель доведут, у нее углы отваливаются.

— Оборудование у нас старое, изношенное, — отвечает. — А план большой. Мы могли бы делать отличные панели, только вдвое меньше.

Понимаете, рабочих вынуждают гнать брак: они не успевают пропаривать станки, делать все, как положено по технологии. Может, у рабочего и болит

рену, что рабочая девушка чем-то хуже его. Опять вспоминаются разговоры о том, что нужно бежать со стройки, которых я столько наслушалась в свое время. Наслушалась, но, к счастью, не послушалась. Я верю, что людей с таким отношением к жизни с каждым годом будет становиться все меньше и меньше, но я люблю свою работу и слышать такое спокойно не могу. Особенно когда говорится это молодым, только начинающим взрослую жизнь. Поэтому и пишу тебе, «Смена». От таких разговоров становится тяжело на душе.

Дина АНИСИМОВА,
строитель
Ворошиловград

душа от такой работы, но его заставляют. А брак — это как цепная реакция. Я что-то не представляю, чтобы из плохих деталей можно было хороший дом построить. Но что-то ведь предпринимать надо! Нет безвыходных положений. Значит, на том заводе есть равнодушные люди, которым на свои обязанности наплевать. Нет оборудования? Так требуй, добивайся, но не сиди сложа руки. Многие наши беды — от равнодушия. Сойдет, мол, и так... Но если ты свой труд не уважаешь, разве будут уважать его другие?

Читая письмо Дины, невольно позабывал: не каждому довелось строить олимпийские объекты. Это и признание мастерства и знак уважения: на такие стройки отбирают лучших. Это и особая память на всю жизнь. Но и Дина наверняка начинала с малой, рядовой стройки. И не все у нее получалось и хотелось бросить работу... Не бросила. Значит, хватило терпения, а главное, умения видеть дальше сегодняшнего дня.

В училище вместе со мной в группе было человек тридцать. Но очень многие потом ушли учиться на шоферов. Вот это, такие метания, я не очень понимаю. Бывает, что та или иная профессия вдруг становится «модной». В Рязани сейчас «в моде» профессия водителя автобуса. Споры нет, тоже нужная профессия. Но зачем ты три года в училище занимал не свое место, зачем мастера впустую тратили на тебя силы?

Я не очень доверяю людям, которые мечутся по жизни в поисках легких и быстрых заработков. Эти искания часто не доводят до добра.

Был у меня сосед по дому, ровесник. После школы поступил в ПТУ. Оттуда его вскоре исключили — не хотел учиться как положено. Устроился в стройуправление отделочных работ. Уже месяца через три попался на краже, пошел под суд. После освобождения явился в наше управление. Но хватило его буквально на два-три дня — и снова занялся поисками легкой жизни. Попал за решетку вторично... Я с ним как-то разговаривал, но он так и не понял, почему я работаю на стройке.

Да просто я считаю, что нужно заниматься делом, которое позволяет тебе выкладываться до конца, добиваться того, на что действительно способен. Заниматься делом, за которое тебя люди уважают. Уважают по-настоящему. А то ведь многие любители легких денег и теплых местечек кем только не представляются незнакомым людям: и кандидатом наук, и летчиком-испытателем, и спортсменом, и бог его знает кем! А мне таить, например, нечего, так и представляюсь: строитель. И знаю, у людей, которых уважаю, мнение которых мне дорого, никогда не видел в ответ пренебрежительно-снисходительной усмешки. Ну, а тем, кому открыто предъявить людям источники своего жизненного благополучия стыдно, только и остается делать вид, что они просто презирают «грязные» специальности. На самом же деле презирают они не специальности, а честную трудовую жизнь. А трудностей, без которых такая

жизнь невозможна, они просто боятся, не хватает у них духа бороться с ними. Вот и делают высокомерный вид, а за ним просто трусость. Так я и сказал своему бывшему соседу, которого жажда незаработанных денег привела за решетку.

Кстати, я заметил, что кадровые строители — люди очень честные. К примеру, я могу спокойно оставить зарплату в бытовке, хотя все у нас нараспашку. Часы оставить — провисят несколько дней, и ничего. А вот когда нам приходилось пользоваться раздевалками некоторых организаций, для которых мы строили, там всякое бывало...

Как-то я стал припоминать, где доводилось строить и во время практики и после училища. Заводской цех, центральный стадион в Рязани, кинотеатр... В поселке Дашки всего за одно лето построили трехэтажную школу; там вдобавок освоил профессию каменщика. Работал на новой АТС (очень сложный объект был), на стройке цехов двух заводов в Касимове, строил гаражи, мастерские, комплексы на селе... Словом, немало повидал.

Знаю, женщине на стройке много труднее. И физически и морально. Взять хотя бы такой «пустяк», как спецодежда. Мне в общем-то все равно, как сидит на мне спецовка — была бы прочная. Но молодой женщине внешний вид и на работе небезразличен. А ее обряжают в грубую, мешковатую, «безразмерную» спецодежду. Неужели наша легкая промышленность не в силах выпустить легкий, прочный и элегантный костюм? Неважно налажен и быт строителей, низка организация труда, медленно внедряется бригадный подряд — все это тоже не способствует популярности нашей профессии.

...Снисходительное, обывательское отношение к строителям не может меня оскорблять. Я ценю мнение только тех людей, которых сам уважаю. Другое задевает за живое. Прочитаешь иногда в газете под рубрикой «Из зала суда» про какого-нибудь ворюгу или растратчика и узнаешь: направлен отбывать наказание на стройку. Да что стройка — исправительный дом? И почему работа на стройке вольно или невольно превращается в наказание? А уволенных по статье куда обычно направляют? Опять же на стройку. (Кстати говоря, и от осужденных и от уволенных — встречался и с такими — на стройке обычно меньше всего толку: они же ничего не умеют!) Так, подспудно, складывается общественное мнение: стройка — последнее дело, раз туда уголовников и пьяниц посылают...

Не знаю, как тут быть. Может, надо провинившихся не отправлять на стройку, а обязывать работать и искупать вину на своем предприятии, в своем коллективе? Там по крайней мере знают характер человека, его привычки и слабости.

Да, сложностей на стройке еще немало. И объективных и субъективных. С одними надо бороться: за нас это никто не сделает. Другие неизбежны и требуют терпения, силы воли. Но велика еще текучесть кадров, особенно молодых, в строительстве. Часть, и немалая, уходит действительно по тем причинам, о которых пишет Дина, не у всех хватает характера справиться с трудностями стройки. Но я убежден: все интересное обязательно сопряжено с трудностями.

Не надо только сразу пугаться и бежать от них.

Армейскую службу я проходил на Севере в морской пехоте. Правда, была возможность и там устроиться сварщиком. С практической точки зрения это было лучше во всех отношениях: по крайней мере, и там мог бы повышать квалификацию. Но, поколебавшись, выбрал все же пехоту. Вот уж где трудно, так трудно! Заполярье, морозы, пурга... И все-таки ни о чем не жалею. После северных буранов легкий сквозняк на стройке — ерунда. Понял, что и в трудностях есть большая польза: они закаляют характер. Только не надо позволять сбивать себя с выбранного пути.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1366) АПРЕЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«ЛЕНИН В ЗАКОПАНЕ».

Картина художников
М. АБДУРАХМАНОВА
и Г. ЯРАЛОВОЙ

- 1 Владимир ДЕСЯТЕРИК, кандидат исторических наук.
«ЛЕНИНСКАЯ ЗАБОТА СОГРЕТЫ».
- 2 НОВАЯ РУБРИКА. ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.
Дина АНИСИМОВА. «БЕЖАТЬ ОТ ПРИЗВАНИЯ?»
Василий ФРОЛОВСКИЙ, электросварщик.
«ЧТО ЕСТЬ ДОСТОИНСТВО?»
- 4 Сергей ВОНСОВСКИЙ, академик.
«ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ НАУКА НЕ БЫВАЕТ».
- 6 ПИСЬМА ИЗ РАЙКОМА.
Павел ЕМЕЛИН. «ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ».
- 8 Рассказ ЭЛЬЧИНА
«ПЯТЬ МИНУТ И ВСЯ ЖИЗНЬ».
- 11 НАВСТРЕЧУ VIII СОВЕЩАНИЮ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.
Стихи Нины ГНАТЮК.
- 12 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
«СТРЕЛА РУСТАМА».
Фотоочерк Юрия ШАБАНОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 14 «УЗНАТЬ! ПОЧУВСТВОВАТЬ! ПОНЯТЬ!»
Всесоюзный конкурс сочинений учащихся ПТУ.
- 18 Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «ПУШКИНСКИЙ ПРИМЕР».
- 20 «ОЛИМПИЙСКИЕ МГНОВЕНИЯ».
- 22 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
Геннадий СУХИН. «СИЛОВОЕ ПОЛЕ АКТЕРА».
- 24 Клуб «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 27 Повесть Льва ПРОЗОРОВСКОГО
«ОХОТНИКИ ЗА ПРОШЛЫМ».
- 31 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

— Сергей Васильевич! Готовясь к этой беседе, я собрал массу интересной информации об Уральском научном центре, которым вы руководите. Центру тринадцать лет, в нем одиннадцать институтов, около семи тысяч научных сотрудников. В последние годы здесь проведены фундаментальные исследования в области математики, физики, механики, экономики. Двести семьдесят пять миллионов рублей — таков, я знаю, экономический эффект от тысячи двухсот разработок институтов, внедренных в этой пятилетке. Данные весьма впечатляющие. И все же... И все же, Сергей Васильевич, Свердловск — это не Москва или Ленинград. Не ощущают ли себя ваши ученые, особенно молодые, как-то оторванными, что ли, от традиционных академических центров? Не считают ли они себя своеобразной средней прослойкой, так сказать, периферийной частью современной науки? Не отражается ли это на результатах их работы?

— А вы для начала попробуйте популярно разъяснить мне, что такое периферийная наука. Боюсь, у вас ничего не получится. Даже уверен. Потому что такой науки просто не существует! Вспомните Геттинген, Кембридж, Бостон. Все это не столицы, но в то же время традиционные мировые научные центры.

Материальная база, лаборатории, аппаратура — в этом мы ничем практически не отличаемся от столичных институтов. По числу титулованных ученых тоже не уступим. По результатам исследований?.. Судите сами.

У нас в Уральском центре работает широко известная школа математиков академика Красовского. Не только в Союзе, но и за рубежом считаются передо-

Результаты научного поиска ни в коем случае не должны повисать в воздухе и оставаться красивыми, ценными... воздушными шарами.

Нужно, чтобы каждая новая формула, результат каждого удачного эксперимента работали, работали, работали!..

В рамках программы созданы КТМК — комплексные творческие молодежные коллективы. Сейчас их у нас одиннадцать. Поначалу многие из наших ученых старшего поколения считали это бесполезной затеей. Подумаешь, говорили, изобрели еще одно название! А что за ним?.. Но довольно скоро число скептиков сильно уменьшилось. КТМК доказали свою боеспособность.

В прошлом году мы провели конкурс таких коллективов. Лучшим был признан КТМК из Ижевского физико-технического института. Там создан спектрометр, по качеству превосходящий многие зарубежные образцы. Еще одним победителем назван КТМК из нашего Института металлургии, где была сделана интересная работа по легированию труб, разработан новый технологический процесс получения сплавов для модификации чугуна. Ожидаемый экономический эффект — 9,9 миллиона рублей в год.

Такими результатами, согласитесь, вполне могли бы гордиться любые столичные научные учреждения.

Кстати, мне вспомнился такой случай. Как-то с высокой трибуны я рассказывал о нашем центре и, между прочим, сказал, что один из наших институтов связан с пятьюстами организациями, разбросанными по всей стране. Меня тут же приняли упрекать в том, что мы распыляем свои усилия. Тогда слово взял президент Академии наук СССР Анатолий Петрович Александров и сказал, что иначе быть не может. Да и не должно быть иначе. Было бы неверным работать

Конечно, основная часть исследований нашего центра ведется непосредственно для нужд Урала. И научная молодежь принимает в этом серьезное участие. Ей мы отводим важное место и в решении проблем освоения Севера.

— Сергей Васильевич, почему программу освоения Севера центр начал разрабатывать только сейчас? Ведь Север уже давно привлекал внимание человека.

— Причин несколько. Основная, пожалуй, в том, что с каждым годом выпуск нашей промышленной продукции требует все больших затрат. Добыча полезных ископаемых становится все более сложным и дорогим предприятием. Ведь практически все запасы минерального сырья и руд на Среднем и Южном Урале, давно разведанные до глубин порядка пяти сот метров, уже основательно исчерпаны. Приходится разрабатывать либо более бедные залежи, либо углубляться дальше. Но и то и другое значительно удорожает добычу. Северный, Приполярный и Полярный Урал и прилегающие зоны с запада и востока практически еще не были изучены геологами. А вот по прогнозам там ожидаются огромные запасы ценнейших полезных ископаемых. То есть добыча минерального сырья будет постепенно передвигаться на Север.

Однако условия жизни на Севере, как и разработка и эксплуатация месторождений, значительно отличаются от существующих в более южных и более мягких по климату районах. Обживать Север нужно с великой осторожностью. Известно, например, что олень никогда не ходит по одной и той же тропе. А прошел трактор — тундра ранена: остается мертвая зона. При освоении Севера возникнут и вопросы, связанные с обеспечением рабочей силой, с условиями жизни, зарплатой, созданием новой техники и другими фак-

провинциальной НАУКИ не бывает

Сергей ВОНСОВСКИЙ,
академик,
председатель президиума
Уральского научного центра

выми позиции, занимаемые нашими школами физиков по магнетизму и металловедов академика Садовского. Добавьте сюда еще и высокотемпературную электрохимию, геологию, экологию...

Что касается молодых ученых, то их вклад в достижения Уральского центра достаточно высок.

К примеру, в геофизике это разработка новой аппаратуры, основанной на ядерно-физических принципах. Причем аппаратура эта практически единственная в Союзе, по своим показателям значительно превышающая уровень лучших зарубежных образцов.

Весьма эффективно работает группа молодых ученых и на Белоярской атомной станции, где мы располагаем исследовательским реактором. Заметен вклад молодых и в области теоретической физики, в области теории твердого тела.

Так что в Уральском центре есть свои оригинальные направления. И поверьте, их гораздо больше, чем я перечислил. Но главная задача — скорее добиться, чтобы каждый институт приобрел свое собственное лицо, чтобы его исследования были актуальны. При этом мы, конечно, не можем да и не должны охватывать все без исключения сферы науки.

И все же провинциальная наука есть! Это плохая наука. И провинциальным ученым можно назвать того, кто работает вполсилы, не замачивается на большие дела.

Кстати, быть таковым вполне можно и в самой Москве. Что скрывать, и я не раз встречал подобных людей в столичных научных учреждениях. О них с чистой совестью могу сказать: вот провинциальные, периферийные научные работники — как по подходу к делу, так и по вкладу в него, по практическому использованию результатов.

— У молодежи УНЦ есть специальная программа «Внедрение». В нее включены работы, которые должны быть выполнены в этой пятилетке. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Одним из важнейших моментов в деятельности молодых ученых я считаю внедренческую работу.

только на себя, замыкаясь на проблемах только своего региона. Наука не знает территориальных границ. И мы, уральские ученые, гордимся тем, что наши труды широко используются по всей стране. Так, например, недавно наши физики-магнитологи нашли способ существенно улучшить техпроцесс на текстильных предприятиях Ивановской области. Это значительно облегчит труд ткачих. А ведь Иваново от Урала не близко.

В свое время мы передали железнодорожному транспорту разработанные нашими специалистами магнитные дефектоскопы. Сейчас ими оборудованы вагоны-лаборатории, обслуживающие всю сеть железных дорог страны и метрополитены. В ближайше несколько лет нам нужно создать магнитные дефектоскопы для нефте- и газопроводов страны. Задача весьма сложная. Но ведь чем сложнее задачи, тем весомее результаты. И тот факт, что нашими уральскими разработками пользуется вся страна, для ученых центра — моральный стимул, который ничем не заменишь.

Да, мы уральские ученые, но никакие границы перед нами не поставлены, в рамки мы не замкнуты. Рамки, уозьте, отсутствие перспектив и масштабов — все это настоящей науке изначально противопоказано. Замкнутая в рамки, наука хиреет, перестает плодоносить.

Думаю, то, что в свое время наука у нас концентрировалась в Москве и Ленинграде, было не совсем правильным. Честь и хвала академику Лаврентьеву за основание Новосибирского центра. Важное, нужное дело! Вот уже четверть века приносит стране огромную пользу коллектив новосибирских ученых. Теперь во всех союзных республиках есть Академии наук. Они ни в коем случае не должны копировать Всесоюзную Академию. Напротив, у каждой должно быть свое, оригинальное направление. В Армении, скажем, есть замечательная школа астрофизиков академика Амбарцумяна, в Грузии — прекрасная школа математиков. И так практически в каждой республике.

Программа освоения Севера России, к которой мы приступили, потребует тщательной подготовки. Только тогда мы сможем с чистой совестью начать осваивать его, зная, что не нанесем вреда.

И, конечно, осваивать суровые края придется прежде всего молодежи.

— И, наверное, многое будет зависеть от того, как осваивать?

— Да, это очень важно. Чего уж греха таить, нередко мы бываем чрезмерно расточительными. Вырубает леса, сливаем в реки отходы; вырастают горы выработанной земли, шлака. Посмотрите, что творится вокруг заводских корпусов, тепловых электростанций, нефтяных вышек. Не то что цветочка, травы не заметишь!.. К этому привыкли, считается, что таковы и должны быть издержки производства. Видимо, кто-то еще думает, будто природа все выдержит, ее хватит на все времена.

Увы, силы природы не безграничны. Венец ее творения — человек — оказывается гораздо сильнее. И в этом счастье его и беда.

Осваивая новые районы Севера, молодым ученым придется учитывать очень многое. И мы, люди старшего поколения, должны прививать им любовь к природе, учить беречь ее. Внутренняя культура, заботливое отношение к природе должны быть в крови. Ведь им, молодым, их детям и внукам жить в двадцать первом веке. И они должны заботиться о будущем сейчас, чтобы потом не оказаться в безжизненной пустыне, сотворенной своими же руками.

И думать об окружающей среде надо постоянно, и не только в глобальных масштабах. К примеру, многие молодые люди стремятся обзавестись автомашиной. В этом, конечно же, нет ничего плохого. Но когда они, выехав на этой машине за город, оставляют после себя масляные пятна, необрунные бутылки, банки, мусор, когда моют машины на берегу речки или озера...

Еще совсем недавно говорили о том, что замусоре-

ны леса вблизи больших городов. Но сейчас благодаря личным автомобилям начали страдать наши уральские леса и вдали от городов. Где не ступала, как говорится, нога человека, там ступают автомобильные колеса. И ведь это не гледы цивилизации, как мы себя иногда оправдываем, а просто почерк глубокого бескультурья.

Я всегда приучал своих детей, теперь учу внуков: никогда ничего не оставляйте в лесу, кроме разве что крошек для птиц. И второе, чему я учил их,—бережливости. Во всем, в большом и малом. А то ведь сегодня, когда жизненные условия улучшаются год от года, многие молодые люди не задумываются, чего нам это все стоит, во что обходится.

Возьмите хотя бы пищу. Чуть ли не треть ее мы выбрасываем, у нас не налажен систематический сбор отходов для скота. А сколько труда вложено в ломтик хлеба или кусочек мяса! Всегда ворчу на своих домашних, если они оставляют что-то на тарелке. Зачем было брать больше, чем хотел съесть? Просто так? Такого я понять не могу. С детства меня родители приучили ценить чужой труд.

А когда в квартире горят десятки никому не нужных ламп или продолжают гореть днем?.. Говорю об этом не потому, что я какой-нибудь скряга. Заплатить за свет мне несложно. Просто я вижу за этими бесполезно потраченными киловаттами безостановочную работу мощных энергетических машин и опять же труд реальных людей, нелегкий труд.

Все это — бережное отношение к природе, чужому труду — вопросы нравственного порядка, и я глубоко убежден, что настоящий ученый должен быть человеком нравственным, ответственным в любом своем поступке, большом и малом.

— Сергей Васильевич, еще вопрос, касающийся

Я, например, совсем не в курсе, какие танцы предпочитает Александр Завьялов, молодой ученый из института металлургии, или как одеваются молодые люди из Ижевска, чьи работы, представленные на конкурс на лучшую работу молодого ученого нашего центра, уже используются в научном приборостроении и, судя по всему, попадут на Лейпцигскую ярмарку. Для меня самое главное, что их работы не требуют никаких скидок на возраст, что, занимаясь ими, эти ученые проявили настоящую увлеченность делом, самоотверженность, умение не считаться с трудностями, характер. Конкурс, который я упомянул, вызывает к жизни массу интересных работ. А я прекрасно знаю, что стоит за каждой такой работой, как надо работать, чтобы сегодня добиться интересного результата. Вот с этих позиций я и сужу о нашей молодежи.

Самое главное, на мой взгляд, в отношении с молодежью — добрый пример, верная жизненная позиция старших товарищей.

Убежден: самый надежный фильтр, задерживающий все наносное и пустое, — постоянный труд. Я на всю жизнь благодарен своим родителям — истинным труженикам, — у меня всегда перед глазами их пример. Отец был учителем, он засиживался за столом до глубокой ночи — составлял расписание, проверял домашние задания. То были годы становления советской школы, так что многое приходилось придумывать самому, дел накапливалось невпроворот. Я видел, как работают родители, и всегда сам старался помочь им по хозяйству — убрать комнату, помыть посуду. Я оставался обыкновенным мальчишкой и побаловаться любил, но большая часть дня у меня была отдана какой-нибудь работе.

Я вспомнил сейчас об этом потому, что знаю, как важно для молодежи иметь перед глазами добрый пример.

Каждый заведующий лабораторией должен, точнее — обязан, я настаиваю на этом — обязан! — во всех деталях знать своих подчиненных, уметь поговорить с ними, помочь, не забывая, что у каждого свой характер, к каждому требуется индивидуальный подход. Знаете, с одним можно пошутить, весело поболтать, а с другим — только серьезным тоном.

А вообще отношения в науке начинаю складываться еще задолго до того, как молодые ученые приходят, предположим, в НИИ. Начинаются они с учебы, с преподавания, с демократизма в отношениях между учителем и учениками.

— Не потому ли в вашем центре была создана Малая академия наук?

— В какой-то степени и поэтому. Наша Малая академия наук — МАН — существует более пяти лет. В ней занимается около тысячи старшеклассников и еще шесть тысяч — в школьных научных обществах области, связанных с МАН. Президентом МАН является доктор технических наук Святослав Анатольевич Тимашев из института металлургии, его заместитель — кандидат наук Ирина Кочергина. Ирина, мне кажется, просто влюблена в эту работу с детьми!

В МАН двадцать две секции. Математика, экология, геология, экономика, физика, химия, философия, история, архитектура... всего не перечислишь. Самая молодая здесь — секция педагогики. Мне кажется, это очень интересный и важный раздел, ибо педагогов тоже необходимо учить с детства.

Думаю, основная задача Малой академии не только в том, чтобы помочь ребятам в профориентации, но и вообще расширить кругозор, научить нешаблонно мыслить. И хорошо, что наш совет молодых ученых уделяет этому столько времени и сил. Ведь это уже начальная стадия тех самых отношений разных поколений в науке, о которых мы с вами сейчас говорим. Лет через десять нынешние старшеклассники с дипломами вузов придут в академические институты и будут продолжать работать со своими бывшими преподавателями.

— А как быть, когда возникает вечно больной вопрос в научной среде — вопрос об авторстве?

— Да, чего уж скрывать, есть руководители, любящие поставить свою фамилию под любой работой, даже если и отношения-то к ней никакого не имели. И ведь порой доходит до абсурда. У некоторых «ученых» за три-четыре года появляется до трехсот работ. Получается, каждые два-три дня — новая работа. Совершенно ясно, что это фальсификация в чистом виде. Просто человек ставит подпись на трудах своих подчиненных и учеников.

Как с этим бороться? Принципиальностью, последовательностью. Скажете: легко говорить, а попробуй откажи титулованному руководителю, если сам еще без степени, без печатных работ!.. Надо найти в себе смелость отказать, не идти против совести. Иначе недолго сделать привычкой то, что, кажется, было необходимым лишь однажды. Уступил раз, другой — иши пропало...

А без смелости, скажу я вам, в науке делать нечего. Конечно, бывают ситуации, когда тебя, предположим, могут благодарить за совет, за помощь... Но присваивать себе после этого авторство!.. В высшей

степени аморально. Это ли не доказательство собственной беспомощности, научной несостоятельности? Вот как раз таких людей я бы и назвал периферийными учеными.

Нередко случается, когда сам молодой ученый просит маститого поставить подпись, потому что ему по тем или иным причинам это выгодно. И некоторые маститые по доброте душевной соглашаются. Признаюсь, и со мной такое случалось когда-то. До сих пор простить себе не могу. Вспоминаю и краснею...

— Сергей Васильевич, насколько мне известно, в прошлом году исполнилось двадцать лет Свердловскому областному совету молодых ученых и специалистов. Это был первый городской совет молодых ученых в стране. Расскажите, пожалуйста, поподробнее о его деятельности и планах.

— Организаторами совета были подлинные творцы и энтузиасты, в основном представители нашего центра — Владимир Балакирев, Виталий Бамбуров, Леопольд Лазатьев, Игорь Борисов и другие. Это был период поиска и апробации новых форм работы с молодой научно-технической интеллигенцией. Все, чем занимался тогда совет, делалось практически впервые в стране. Впервые были организованы молодежные научные конференции, проблемные группы, заключены первые договоры о научно-техническом сотрудничестве.

Сразу приведу пример из сегодняшних планов. Не так давно состоялось заседание коллегии Министерства цветной металлургии, в котором приняли участие и наши ученые. С этим министерством у нас давние связи. Уже не первый год, как мы заключили генеральный договор с ним, причем именно со всей отраслью, а не с каким-то отдельным предприятием. Наши ученые немало делают для этой отрасли. И вот сейчас у нас с Минцветметом есть новое совместное дело. Нашим химикам удалось разработать интересный инструментальный сплав без использования высокодефицитного вольфрама, то есть более дешевый. Ученые работали над этой проблемой совместно с представителями министерства и завода. Вот мы и хотим, чтобы это предприятие стало базовым, чтобы именно отсюда пошли по стране новые инструменты. Они уже и сейчас с успехом используются на ста двадцати предприятиях и хорошо зарекомендовали себя.

В этих разработках заметную роль играет наша научная молодежь, деятельность которой координируется советом молодых ученых.

В свое время опыт, накопленный Свердловским советом, был заложен в основу документов Центрального совета молодых ученых и специалистов. За двадцать лет совет стал реальной силой. Члены совета работают рука об руку с нашей комсомольской организацией, во главе которой стоит комсорг ЦК ВЛКСМ Виктор Краснов.

Возьмите, к примеру, такой важный вопрос, как повышение эффективности деятельности молодых ученых. Когда они приходят к нам из высших учебных заведений, большинство весьма смутно представляет, чем придется заниматься. Вот и необходимо создать им условия для скорейшей адаптации, интенсивной работы. Молодой человек должен быстро понять, что от него требуется, включиться в работу, сразу же определив свое место в коллективе.

Не менее важное дело — профессиональный рост молодых ученых. Для этого у нас организуются различные научные школы и семинары. Задачи у них две. Первая — расширение научного кругозора. На таких занятиях разбираются общие вопросы развития как своей науки, так и сопредельных. Второе — глубокое изучение более узких вопросов своей непосредственной специальности.

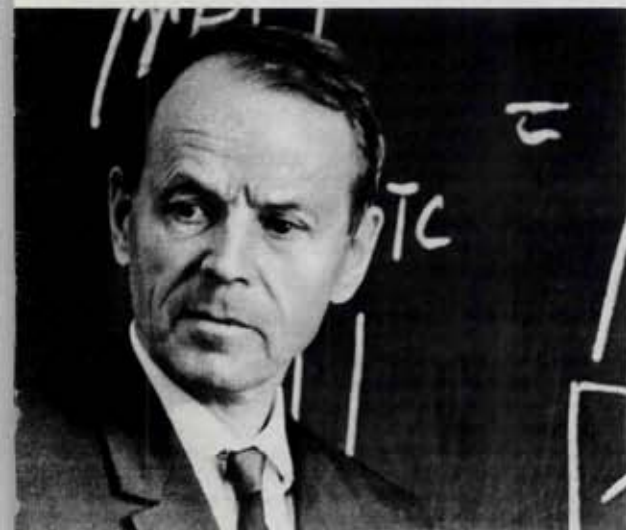
О планах. Нам есть чем гордиться, и все же использование научного потенциала старейшего промышленного района страны еще не в полной мере отвечает решениям партии. В недавнем постановлении ЦК КПСС «О работе Уральского научного центра Академии наук СССР» перед нашими учеными поставлена задача ускорения научно-технического прогресса в регионе, повышения эффективности и качества исследований, более широкого внедрения их результатов в народное хозяйство.

Это постановление ориентирует уральских ученых на решение региональных проблем. Но оно относится не только к нашему центру — имеет общенаучное значение.

По многим отмеченным в постановлении вопросам мы уже предпринимаем конкретные шаги.

Нужно много работать, не боясь неожиданных поворотов в решении проблем, не боясь авторитетов, всегда доводить дело до конца, быть не просто ученым, но и гражданином, порядочным человеком, умеющим ценить не только свой труд, но и усилия других. А все это по плечу действительно творческим людям, а не провинциалам в науке, избравшим себе место на ее обочинах.

Беседу вел Геннадий МАКСИМОВИЧ.

нравственных сторон жизни ученых. В Уральском центре около двадцати процентов составляет молодежь. Как складываются отношения между молодыми и учеными старшего поколения? Как идет процесс преемственности поколений? Не возникает ли конфликтных ситуаций, как они решаются?

— Сложный вопрос. Мы, люди старшего поколения, должны себе ясно представлять, чего ждем от молодого человека и к чему имеем моральное право относиться критически.

Лично я считаю: главное, чтобы ведущее начало в человеке не вызывало сомнений. Если я вижу, что человек имеет достойную цель в жизни, направленную на служение своему народу, стране, если он честно идет к этой цели, то меня совершенно не интересует, ходит он во фраке или джинсовом костюме, носит длинные волосы или бреет голову наголо. Я вовсе не жду от него того, чтоб он уподоблялся в одежде, к примеру, моим вкусам и привязанностям.

Ну и что, что купил «стенку» или магнитофон, машину! Эти моменты должны быть вторичными. В конце концов жизнь улучшается, и нечего нам вмешиваться и постоянно поучать молодежь, как жить!..

Другое дело, если приобретательство захлестывает основную цель и она тонет в пучине вещизма. Вот тут-то молчать нельзя, надо вмешиваться, и самым решительным образом.

Я не случайно говорю об этом подробно. У нас, случается, перегибают палку и вместе с водой готовы выплеснуть и ребенка. А ведь порой и сами критикующие не уберечься от вещизма. Но тут уж, пожалуй, ста, будь добр сам быть кристаллом, прежде чем кого-либо рассматривать на свет!

В свое время академик Арцимович говорил, что предпочтет иметь дело с человеком чистой души, преданным науке, и пусть он на здоровье танцует твисты и рок-н-роллы. Это куда лучше подлеца, танцующего степенный вальс. Я с этим полностью согласен.

не просто решать проблемы, связанные с трудовым, идейно-политическим, нравственным воспитанием десятков тысяч молодых людей. Сюда входят и каждодневные организационные заботы — к примеру, те же подростковые клубы. И тут у секретаря должны быть сотни помощников-активистов. А вот найдется ли среди этой «комсомольской бучи» такое дело, о котором секретарь без ложной скромности мог бы сказать: «Это мой след, он останется и после меня». И вообще есть ли такая идея, такая мечта, которой горит комсомольский работник? Будет, наверное, большой натяжкой толковать о его роли в мировой истории, но уж о роли секретаря горкома в истории своего города можно говорить смело. Разве не вспонят люди секретаря, если с его именем будет связываться открытие в городе Дома молодежи или музея комсомольской славы?.. Да разве только масштабы города тут важны? А если ты, комсомольский секретарь, сыграл роль в судьбе хотя бы одного юного человека, только начинающего жизнь? Если ты помог стать на правильный путь парнишке, которого уже считали пропащим? Или поддержал смелый начин, который кто-то назвал авантюрой? Или встал на защиту несправедливо обиженного?..

Неисчислимы «точки приложения» подлинной человечности, убежденности, комсомольской принципиальности. Не иссякает, не скудеет душевная самоотдача, которой отличаются настоящие вожаки.

Как-то мы с Владимиром Мучициным, комиссаром Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, того самого отряда, который первым отправился на строительство БАМа, встретились в Москве и вспомнили время, когда Володя еще работал мастером ПТУ в Дзержинске. В успех инициативы, с которой он тогда выступил, верили немногие.

— Если бы не Юра Кислицын, не было бы нашей бригады, да и мы, наверное, были бы другими. — со свойственной ему прямотой сказал Владимир.

А как все началось? На стройках города довольно нелестно отзывались о выпускниках училища: работать, дескать, не умеют и не хотят. Мучицын принимал эти нарекания как упреки в свой адрес. И тогда он решил доказать всем, что ребята могут трудиться самостоятельно, если только их не держать на побегушках. Просил дать ему бригаду, собранную из одних пэтушников. Руководство треста, однако, и слышать не желало ни о каком эксперименте.

Тогда Мучицын вместе с комсоргом треста пошел в горком комсомола, к Кислицыну. Убеждать Юру в пользу такого эксперимента не пришлось — он всегда был сторонником нового, тем более, когда речь шла о профессиональной судьбе молодых рабочих. Юра позвонил в трест: просил, доказывал, настаивал, брал ответственность на себя — право набирать бригаду Мучицыну было предоставлено.

Однако первый блин вышел комом. Стенка, которую выкладывали начинающие строители, получилась с отклонением от вертикали на пять сантиметров. Пришлось шпательовать в буквальном смысле замазывать грехи каменщиков. Кто-то окрестил их не бригадой пэтушников, а бригадой петушков: голосок, мол, еще не прорезался, а туда же...

Кислицын отправился к ребятам прямо на объект. Понимал, как нужно им сейчас ободряющее слово. А потом ему пришлось вести долгие, тягостные переговоры с трестом, чтобы бригаде все-таки дали новое задание. С каким азартом ребята взялись за работу — за год бригада вышла в число лучших комсомольско-молодежных коллективов Горьковской области. Через несколько месяцев, в апреле 1974 года, эта бригада прямо из Дворца съездов в составе отряда, комиссаром которого стал Мучицын, уехала на БАМ. Среди провожавших был и Юра Кислицын.

Разве случайно, что рядом с молодым инициатором был комсомольский секретарь? Вспомним: когда Стаханов устанавливал свой рекорд, вместе с ним в шахте находился и парторг. Такова традиция.

Несколько месяцев назад пришел в горком Виктор Ярошенко, начальник комсомольско-молодежного участка шахты имени Дзержинского. Потомственный горняк. Дед и отец его работали в той же шахте, да и сам Виктор, несмотря на молодость, двенадцать лет возглавляет участок. В конторе все стены увешаны выпелами, на почетном месте — четыре знамени. Награды эти, понятно, не за красивые глаза.

— В одном доме живем, а встречаемся в кабинете. — Самохин был искренне рад видеть Виктора. — Зашел бы как-нибудь в гости?

— Не до этого сейчас. — Ярошенко, невысокий,

подтянутый, с кипой бумаг под мышкой, держался официально. — В отстающие можем попасть. Будете на совещании с нас стружку снимать. Выручай.

— Но я на шахте не работаю, — улыбнулся Александр и добавил уже деловым тоном: — Шучу, конечно. Что там у тебя, выкладывай.

— Вот, смотри. Опять запланировали нам гибкое перекрытие, — горячо начал Ярошенко. — Две пятилетки так работали. А сейчас вышли на более пологий пласт, угол падения меньше сорока пяти градусов. Уголек-то по лаве самотеком не пойдет, сам знаешь. Нужна другая система — камеры со скрепером, а главный инженер против.

Почему, спросите, с таким чисто техническим вопросом начальник участка обратился в горком комсомола? А куда ему еще обращаться? Мнение руководства шахты известно: «Не разрешаем», к генеральному директору с такой «мелочью» не пробьешься. Вот и получается, что единственная заинтересованная сторона — горком ВЛКСМ. Совместно с объединением «Прокопьевуголь» горком комсомола ежеквартально рассматривает итоги работы комсомольско-молодежных коллективов. С приходом Самохина этот контроль стал еще более предметным, действенным: только за год число отстающих бригад уменьшилось с пятнадцати до семи. Кому же, как не Самохину, горному инженеру по образованию, помогать и поддерживать руководителя комсомольско-молодежного участка?

Доводы Ярошенко убеждали, но Александр видел и всю сложность создавшейся ситуации: применить другую систему — значит в корне изменить технологию, а это все равно, что в цехе, скажем, вместо станков поставить конвейер. Старая система — вещь опробованная, надежная, новое же всегда связано с риском. Наверно, так рассудил и главный инженер шахты. Оправдан ли риск в данном случае?..

— Можешь оставить свои бумаги до вечера? — спросил Самохин Виктора. — Хочу еще раз посмотреть на досуге...

Оля укладывала дочку, а Саша, включив настольную лампу, разложил перед собой схемы и чертежи. Сверил расчеты Ярошенко со своими и окончательно убедился: да, Виктор прав. Теперь идея начальника участка стала кровным делом секретаря горкома.

Утром он позвонил директору по производству объединения «Прокопьевскуголь»:

— Юрий Егорович?.. Найдется у вас сегодня время для одного важного разговора?.. Да, очень прошу.

Александр готовился к яростному спору, но убеждать опытного специалиста в преимуществе предложения Ярошенко не понадобилось. Тут же, при Самохине, директор вызвал сотрудников технологической службы и поручил им проверить расчеты начальника участка на месте, а через несколько дней Саша услышал по телефону радостный голос Ярошенко: «Все в порядке. Спасибо, дружище».

Однако не все пока удается Самохину, случаются в его работе и накладки и просчеты. В чем их причины? Вот и хочется поразмыслить об этом вместе с Александром.

Подолгу мы беседовали с ним о делах, просмотрели и протоколы всех заседаний бюро горкома. Вроде бы и вопросы рассматривались важные, острые, злободневные, и все-таки не покидало ощущение какой-то оторванности горкома, разместившегося в старом уютном особнячке, от той бурлящей круговерти, какую видел на шахтах, в цехах, на улице, наконец. Странно было слышать ничем не нарушающую тишину горкомовских коридоров и целыми днями не встретить в приемной ни одного посетителя.

Удивило и другое: за те дни, что я провел в Прокопьевске, Самохин всего лишь раз был в «первичке», да и то не по своей воле. Чаще я заставал его в кабинете, на «командном посту», вершащим разные телефонные дела — от «пробивания» хоккейных планок до кадровых вопросов. А то вдруг Саша срывался с места и ехал с начальником городского штаба ударной стройки по объектам. «У плиточниц перчаток нет, постарайтесь помочь», — слышу наутро его разговор с секретарем комитета комсомола строительного треста. Стоило ли, думаю, тратить на это время? Неужели тот же начальник штаба не в состоянии сам решить такой простой вопрос?

— Когда же ты встречаешься с комсомольцами? — спрашиваю.

— Встречи ради встреч мне не нужны, — отвечает Самохин на мои недоумения по поводу своего «затворничества». — Я и без того владею информацией.

Не спору, Александр может знать положение дел в организациях из бесед с активистами, из отчетов, которые поступают в горком. Но ведь иная информация просто взывает к действию, тянет за рукава из горкомовского уютя, требует увидеть факт «живьем», а не только строчкой или цифрой в справке.

Об одном неприятном случае мне стало известно в первый же день командировки. И потом я все ждал, когда же наконец Саша выберет время, и мы сможем поехать на завод шахтной автоматики (ПЗША) — казалось, что уж тут-то его участие просто необходимо.

В одном из цехов завода прошло комсомольское собрание. Оно постановило: за уклонение от общественной работы и систематическую неуплату членских взносов исключить из комсомола одного молодого электромонтера. Шесть месяцев парень не платил взносы, на любое предложение комсорга отвечал дерзким отказом.

— Не понимаю, что в этом случае интересно, — удивлялся Самохин. — Обычная история.

Да, история, увы, не новая. В Прокопьевске не раз приходилось слышать от комсомольских работников жалобы на пассивность иных членов ВЛКСМ. Запомнились слова одной девушки, комсорга угольного разреза, рассказывавшей о том, как она собирает членские взносы: «Приходится просить, умоляя». Только зачем умолять, когда в уставе ВЛКСМ четко определены меры, какие следует принимать в подобных случаях? На ПЗША, думалось, так и поступили.

Но на месте все оказалось сложнее, чем выдоселось из горкомовского кабинета. Решение цеховой организации имеется, а заводской комитет комсомола своего мнения не высказал. Почему?

Ирина Рондик, высокая, стройная девушка, секретарь комитета, не новичок в комсомольской работе — была даже победителем конкурса «А ну-ка, секретарь!», который проводился в дни учебы актива. В конкурсной программе был и разбор персонального дела, но, как видно, теоретически такой вопрос решить легче, чем в реальной ситуации.

— Этот парень еще не потерян для нашей организации, — говорит Ирина. — Он хороший производственный и, кажется, осознал свое поведение.

Что ж, может, и вправду комсомольцы цеха погорячились, переборщили с мерой наказания? Только можно ли оправдать волокиту заводского комитета ВЛКСМ? Собрание-то в цехе было два месяца назад. Срок более чем достаточный, чтобы разобраться, определить свое отношение к происшедшему. Иначе выжидательная позиция комитета только во вред и парню и авторитету комсомольской организации.

До последней минуты надеялся, что Самохин захочет поглубже разобраться в этом случае. Мысленно представлял, как первый секретарь горкома встретится с молодым электромонтером, поговорит с ним откровенно, по-мужски. Разговор этот, несомненно, был бы важен для обоих — и для двадцатитрехлетнего парня и для секретаря горкома. Ведь мнение одного из «пассивных» — своего рода барометр комсомольской жизни. Дерзкий ответ комсоргу на поверку мог оказаться лишь бравадой, за которой прячется тоска по истинному вниманию к своей личности, неудовлетворенность формализмом в работе комсомольской организации.

Впрочем, что гадать, когда есть живой пример. Из Прокопьевска летел с Сашей Грязновым, забойщиком шахты «Центральная». О многом мы переговорили за пять часов полета.

Саше 22 года. Он хорошо зарабатывает, не женат, в свободное время любит почитать с серьезной книгой. Саша — комсомолец, только о своих комсомольских делах ему сказать нечего: полтора года работает на шахте, но не припомнит ни одного собрания. «Только взносы и плачу!» — возмутился он. А ведь молодого забойщика по-настоящему волнуют многие проблемы Прокопьевска — города, в котором он родился. Взять хотя проблему трудных подростков. Саша знает ее не по милицмейским сводкам, а по уличным стычкам с несовершеннолетними хулиганами.

«С твоей-то силой, — говорю ему, — надо бы в опротряде быть». «Я не против, но меня туда никто не приглашал». «Обратись в горком комсомола, — советую. — Тезку своего, первого секретаря горкома, знаешь?» «Нет», — смутился мой спутник.

Тридцать тысяч комсомольцев в Прокопьевске. Сколько же среди них таких, как Саша Грязнов, толковых, сильных ребят, которые не приобщены к комсомольским делам, остаются, по сути, без внимания вожakov! С тем парнем, на ПЗША, та же история.

Увы, Самохин не стал в нее вникать. Посмотрев на часы, он заторопился к выходу из комитета.

Дело тут, по-моему, не только в нехватке времени. Александр считает, что первый секретарь должен осуществлять общее руководство, а не вести непосредственную оргработу. «Главное — владеть информацией», — вспоминаются его слова. Но чего стоит такая кабинетная эрудиция. Если комсомольский руководитель не владеет ситуацией, уходит от остроты жизненного факта, а значит, и от ответственного решения?

Каждый вечер по пути из горкома комсомола в гостиницу я проходил мимо кафе «Романтик» и почти каждый раз наблюдал одну и ту же сцену — нетвердо стоящие на ногах парни ломаются в закрытые двери. Самохину об этом известно, давно лежит у него на столе письмо директора общепита с просьбой устранить «нарушения правопорядка». Саша и сам ежедневно ходит мимо этого кафе, видит те же «картины». И в его силах «дернуть» кого-то — командира городского оперотряда, например, — как следует, чтобы молодежь в «Романтике» могла спокойно отдыхать. Разве это мелочь? Неужто надо дискутировать: кто этим должен заниматься, комсомол или милиция?

Разделить обязанности, доверять другим, безусловно, надо. Однако порой — о таких случаях сейчас и речь — это доверие превращается в удобную наблюдательную позицию, в позицию невмешательства. И не превращается ли тогда обаятельный, самокритичный Саша Самохин в заурядного, сотни раз раскритикованного формалиста и бюрократа?

До сих пор не дает покоя этот случай на ПЗША. Налицо явная волокита со стороны заводского комитета ВЛКСМ, а Александр даже не счел нужным встретиться с комсомольцем, которому грозит исключение из рядов ВЛКСМ. А ведь призыв «дойти до каждого» относится ко всем комсомольским работникам. Как же понять тех вожаков, которые живому общению с молодежью предпочитают социологические выкладки да «информацию с мест»?

Снова вспоминаю Юру Кислицына. Как умел он использовать любую повод для разговора по душам! Как жаден был его интерес к собеседнику! Уж он-то, уверен, обязательно — и не мимоходом, не формально — поговорил бы с молодым электромонтером, окажись на месте Самохина. Парня из комсомола исключают — разве это простой, обычный случай?!

Эту историю я услышал там же, в Прокопьевске. В одном из небольших городов области секретарем горкома комсомола избрали хорошего парня. Недавно окончил институт, отличный специалист, веселый, общительный. Взят за дело горячо, с желанием. Стал думать, чем увлечь молодежь. Дома в городе растут, как грибы, а вот зелени маловато. Решили разбить парк. Идея вдохновила всех, весной комсомольцы дружно вышли сажать деревья.

Прошло полгода или чуть больше, не узнать секретаря: стал каким-то мрачным, раздражительным. И про парк забыл. Деревья без ухода начали сохнуть, гибнуть; пришлось другим людям пересаживать их.

«Не могу больше, — в минуты откровения говорил секретарь. — Бумаги душат». Просился опять на производство. Отпустили.

Не называю адреса, где это было: смысл этой истории более широк и, как мне думается, символический. О чем она? О бумажном потоке, который губит живое дело? О том, как «текучка заела»? Все так, однако суть, по-моему, в другом. Парню выпала редкостная возможность проявить себя, повести за собой других, сделать что-то полезное для города, а он... с бумагами не справился.

Комсомольская работа — звездный час молодости. Что оставишь ты, секретарь, людям: зеленый парк или сухие ветки? Какие твои добрые дела вспомнят они?

Настоящих комсомольских комиссаров помнят всю жизнь. Их именами названы улицы городов и поселков. В Дзержинске Горьковской области живет ничем пока не знаменитый мальчишка — Юра Парамонов, но он знает: родители дали ему имя в честь своего друга, комсомольского секретаря Юрия Кислицына.

...Утром, проводив дочку в садик, Саша Самохин пешком идет по проспекту Шахтеров — в горком комсомола. Впереди — новый рабочий день, как всегда, с массой будничных и праздничных забот. У Александра есть прекрасные качества вожака — трудолюбие, простота, скромность. Только этого мало. Ведь в комсомоле нет такой должности — хороший парень. Современного комсомольского руководителя отличают компетентность, требовательность прежде всего к себе и другим, умение видеть перспективу, мобилизовать людей, доводить начатое дело до конца. Да, деловитость сегодня важна как никогда. Та самая высокая, страстная, зажигающая других деловитость, какая была присуща лучшим вожакам молодежи прошлых лет.

Биография Самохина как комсомольского секретаря не кончается. Впереди у него новые высоты и новый горизонт — в том смысле, как понимают это слово горняки.

ЭЛЬЧИН

РАССКАЗ

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Рисунок Виталия ФЕДОРОВА

7 августа 1983 года. Воскресенье. Время 19.10.
Аэропорт Биша.

В этот воскресный день, если взглянуть сквозь стеклянные стены зала ожидания, аэродромное поле казалось частью безлюдной, безжизненной бетонной пустыни, и на этот кусок бетонной пустыни падала тень гигантского самолета; а сам самолет словно растворился и исчез в пустынном бетонном пространстве, только тень его, гигантское пятно, впилась в бетонную поверхность, и Мардан Дадашлы с некоторым трудом отвел взгляд от тени самолета, от этого гигантского пятна на лоне бетонной пустыни.

Мардану Дадашлы было сорок семь лет, он был доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук, директором научно-исследовательского института, и у Мардана Дадашлы была такая игра с самим собой: время от времени, случайно увидев свое отражение в зеркале или стекле, он сам себя спрашивал:

— Ну, как дела?

По существу, в этом вопросе содержался и ответ, ибо Мардан Дадашлы так задавал себе этот вопрос, что уже в мягко ироническом тоне его сквозили уверенность и спокойствие: мол, все отлично. — но на этот раз, различив свое отражение в стекле, он как-то не собрался задать этот вопрос, поиграть с самим собой, потому что его слабое отражение в стекле точно пропало в гигантской самолетной тени, и эта гигантская самолетная тень как бы стиснула сердце Мардана Дадашлы.

Почему так получилось? Скорей наоборот, в этот жуткий зной самолетная тень, по-видимому, должна была возвестить о прохладе; да, так должно было быть, но так не было: Мардан Дадашлы ощутил в гигантской тени что-то неестественное, неживое, Мардану Дадашлы почудилось, что в этой тени не прохлада, а ледяной холод, и не горный холод, и не зимний холод, а холод мертвецкой.

Мардан Дадашлы изумился этому ощущению, от которого мурашки по коже побежали, потому что до сих пор таких вещей не бывало. Отчего это? Стареет понемногу, что ли?

Инстинктивно вынув из кармана билет на самолет, он посмотрел: первый ряд, первое место, и обычное настроение вернулось к Мардану Дадашлы: в слове «первый» было что-то приятное, была какая-то уверенность, спокойствие.

Мардан Дадашлы, подняв свой поставленный на землю «дипломат», направился к выходу. Посадка началась.

Потом «ТУ-154» поднялся в воздух.

Ты сидел в первом ряду, на первом месте, смотрел в иллюминатор, и по мере того, как самолет набирал высоту, земля удалялась, уменьшались люди, машины, строения, ты думал, что, в сущности, этот взлет есть взлет твоей жизни, твоей судьбы, потому что всего двадцать пять лет тому назад — а что такое двадцать пять лет? — ты был таким же маленьким, как вон те человечки внизу, только что окончил университет, был одинок и жалок, не знал, где будешь работать, что делать, а сегодня, всего через двадцать пять лет — а что такое двадцать пять лет? — ты смотришь с этой самолетной высоты на того одинокого и жалкого паренька и улыбаешься, потому что будущее, которого тот молодой парень не осмеливался даже представить себе, для тебя уже осталось позади, и в отличие от того неопытного простодушного юнца сегодня ты предвидишь будущее, вернее, знаешь, что будущее будет таким, каким ты хочешь его видеть, ибо у тебя есть силы, есть разум и умение. Я знаю, что ты ни на собраниях, ни на банкетах, ни даже дома, в разговоре с женой, не говорил о себе, не хвалил себя, но про себя всегда гордился собой и не скрывал этого от себя самого, потому что если другие и не знают, сам-то ты хорошо знаешь, что до сегодняшнего дня, то есть до этого жаркого августовского дня 1983 года, все, чего ты достиг в жизни, достигнуто тобой самим, никто тебе не помогал, а в жизненной борьбе твоим единственным помощником, единственным советчиком был ты сам.

Пропали с глаз люди, потом машины, потом исчезли здания, потом пропала земля, потом все вокруг окутали молочно-белые облака, потом и купы этих белоснежных облаков остались внизу, и ты снова улыбнулся, потому что в белоснежных облаках опять увидел одинокого молодого парня, и тревога в сердце этого парня — без работы, без дома, без семьи — как далекое и приятное воспоминание затрепетала в тебе.

Воспоминания связаны не только с событиями, не только с людьми — остаются в памяти и чувства, и теперь, вспоминая то далекое и все еще близкое прошлое, ты переживал, может быть, самое приятное, дорогое, самое теплое из этих воспоминаний, как будто стоит зима, разгар зимы, но на тебе отличная шуба, ты не мерзнешь, даже жарко тебе, и душа твоя спокойна — вот так ты сегодня вспоминал связанные с будущим и вообще с жизнью тоскливые, тревожные чувства того одинокого парня, и те горестные чувства теперь обернулись ощущением довольства и уверенности. В сущности, сегодня, в эти минуты, когда ты летел в самолете по седьмому небу, ты любил того парня, оставшегося в далеком и все еще близком прошлом, как своего сына, и, то и дело воскрешая его перед своим мысленным взором, как отец хвастал перед ним, испытывая чувство законной гордости. В сущности, в эти минуты у тебя было три сына: двое только что проводили тебя в аэропорту, гордые своим отцом, сильные, красивые и талантливые ребята, на которых все показывали пальцем, да еще их незримый сверстник, оставшийся навсегда в прошлом — далеком и все же близком прошлом. — тот простодушный юнец, каким ты был двадцать пять лет назад. Ты был сиротой, отец твой погиб на фронте, мать вырастила тебя полуголодным, стирая чужим людям белье, моя посуда: ты приехал из района в Баку, жил на одну стипендию, окончил университет, и, конечно, как мог ты тогда представить себе, что пройдут годы, ты станешь знаменитым ученым, твои книги будут переводиться на многие языки, у тебя будет обширный дом, красивая жена, красивые и умные сыновья и незнакомые люди, здороваясь с тобой на улице, будут вслед тебе перешептываться друг с другом. «Это такой-то!» — будут говорить они.

Молочно-белые кучевые облака тоже остались внизу и стали невидимы, стекла иллюминатора усталились в бескрайнее голубое пространство, пассажиры кто задремал, кто начал читать книги, газеты, журналы, кто стал беседовать, а ты в этом голубом пространстве, в стекле иллюминатора увидел свое отражение и снова пошутил сам с собой: «Ну, как дела?», — и снова улыбнулся, а потом, отведя глаза от бескрайней голубизны, обернулся и бросил мимолетный взгляд на пассажиров между креслами; как обычно, увидел одно-два знакомых лица, ответил на их приветствие, но кто они такие, не узнал, потом взгляд твой упал на девушку лет пяти или шести, сидевшую рядом с матерью, и ты улыбнулся ребенку. Тебя всегда радовало присутствие маленьких детей в самолете; если летят такие малыши, значит, полет должен быть успешным: как спокойно поднялись, так спокойно и сядете на землю. Конечно, ты знал, что в этом чувстве есть что-то от суеверия, судьба безжалостна и не разбирает, ребенок, молодой человек или старик, но все же перед лицом этой беспощадности тебя радовал и

утешал вид детской невинности, детской чистоты. Порой ты и дома испытывал не совсем ясное чувство, похожее на тоску: тебе хотелось поиграть с маленьким ребенком, хотелось и дома видеть маленького ребенка. Иногда в своем рабочем кабинете ты, закрыв дверь, садился за письменный стол, начинал работать, но вдруг перо в твоей руке замирало, и ты чуть ли не физически ощущал, что хочешь увидеть улыбку ребенка, хочешь погреться теплом детской улыбки, порой тебя даже охватывало беспокойство, потому что тебе начинало казаться, что, в сущности, ты хочешь спрятаться за этой детской улыбкой...

Глядя на девочку, прижавшуюся к матери, ты думал: ничего, через год-два станешь дедом, появятся внучата, и перед тобой будет всегда сиять улыбка твоих внуков. Конечно, ты понимал, что несколько упрощаешь свои мысли, свои чувства: речь не идет только о ребенке в буквальном смысле слова, — речь идет о чистоте, ясности, прозрачности, безмятежности; но ты не любил, как говорится, «углубляться» и не углублялся. Ты посмотрел в иллюминатор на зияющую вокруг голубую пустоту. Голубизна понемногу тускнела, пустота сгущалась, темнела, наступал вечер, и ты раскрыл «дипломат», взял сегодняшние газеты, начал читать при свете ночника: в Верхней Вольте произошел государственный переворот, власть взял в руки Национальный Революционный Совет, возглавляемый капитаном Томасом Санкара; назначенный вместо Ф. Хабиба специальный представитель президента США на Ближнем Востоке Р. Макфарлайн начал переговоры в Бейруте; в Лерикском районе в местечке под названием Шехератук началось строительство нового винограда, который будет принимать на переработку десять тысяч тонн винограда. Время от времени отводя глаза от газеты, ты взглядывал в иллюминатор, уже совсем стемнело, ничего не было видно, и ты снова принимался читать газеты. Вдруг внезапно, совершенно неожиданно все изменилось. В самолете воцарилась абсолютная темнота. Сначала ты ничего не понял. Сначала ты не сообразил, что случилось. Потом ты услышал ропот пассажиров и понял, что в самолете погас свет. Ты понял, что что-то произошло. Самолет терпит катастрофу? Волосы у тебя встали дыбом.

Время 20.11.

Внезапно у тебя заложило уши, как будто и нос заложило, ты стал задыхаться и с ужасом почувствовал, что больше не летишь в пространство, а камнем, все быстрее, падаешь, как будто сорвавшись с отвесной скалы, летишь в пропасть и вокруг абсолютная тьма. Ты не слышал ни голосов пассажиров, ни сообщения stewardессы и в крошечной темноте как бы вдруг увидел собственные глаза: твои глаза сверкали, они расширились, чуть не вылезли из орбит, и ты понял, что все уже кончено, какая-то нелепая смерть увлекла тебя на дно пропасти, потом на мгновение, всего на одно мгновение ты удивился сам себе, потому что ты не знал, что так боишься смерти, и это открытие потрясло тебя, тебе показалось, что внутри у тебя все залито кровью, заполнено алой кровью. Ты хотел встать с места, хотел закричать, но ни голос тебя не послушался, ни с места ты не двинулся, и вдруг перед твоими глазами появилось лицо отца. Отец твой был очень молод, был очень похож на твою оставшуюся в далеком прошлом

молодость, и прежде тебе никогда не удавалось ясно его вспомнить, а теперь ты увидел все черточки его лица, потом увидел мать, потом увидел жену, сыночек, потом перед твоими глазами замелькали чьи-то лица, ты вспомнил сказки, песни, колыбельные, которые слышал в детстве, и в этот миг мозг твой работал с такой скоростью, которая превзошла и скорость, влекущую тебя на дно пропасти, и ты теперь полностью был во власти этой скорости, с какой работала твоя память. Внутри тебя возникла какая-то жажда молить, ты хотел умолять кого-то, что-то, ты жаждал помощи, жаждал пощады.

Однажды к пророку Соломону пришли две женщины, и одна из этих женщин сказала: «О пророк! Мы — жены одного мужчины, в одно и то же время обе мы родили по сыну. Вчера ночью эта женщина, будучи спящей, придавила собственного ребенка, потом потихоньку подложила мне мертвого ребенка, а сына моего забрала, возьми у нее мое дитя и верни мне!» Вторая женщина назвала все эти слова клеветой. Пророк Соломон, сощурив свои голубые глаза, посмотрел на этих женщин, и ты, вспоминая древнюю притчу, словно увидел прищуренные голубые глаза пророка, и взгляд его глаз пронзил тебя. Тогда пророк велел принести ребенка и, рассерженный неурядицей, поднял над головой этого ребенка меч и сказал: «Я сейчас разрублю ребенка пополам с точностью и дам каждой из вас по половине. Останетесь ли вы довольны?» Первая женщина бросилась к ногам пророка. «Не убивай его! — воскликнула она. — Отдай той женщине, кому хочешь отдай, только не убивай!» Вторая женщина сказала: «Твое решение справедливо, о пророк!» И пророк отдал ребенка настоящей матери — первой женщине. Так вот и тебе хотелось кинуться к кому-то, молить о помощи и милосердии, кому бы тебя ни отдали, лишь бы не быть убитым. Но та женщина просила о своем ребенке, а ты о себе просишь?

Время 20.12.

Внезапно ты услышал детский крик, и вначале тебе показалось, что это тот самый ребенок, которого женщины принесли к Соломону, потом тебе показалось, что нет, этот ребенок — твой внук; внук, который родится через три года, через пять лет, но он уже плачет по тебе; потом ты понял, что нет, это другой ребенок. В пронзительном детском крике был какой-то знакомый отзвук: ты не видел ребенка, но чувствовал, что этот ребенок на кого-то похож, и ты чувствовал, что детский крик сейчас подхватит тебя и унесет в такие глубины души, где тебе станет еще страшней, и лучше бы тебе не узнавать этого ребенка, и пусть все кончится. Тебе показалось, что сейчас раздастся некий грохот, произойдет взрыв, и ты успокоишься, никого после этого не увидишь и ничего не услышишь. И скорость, мчащая тебя во мраке в пропасть, как осколок камня, уже не казалась такой страшной, как прежде, потому что теперь тебе хотелось избавиться от этого детского крика, потому что ты чувствовал, что вот сейчас узнаешь его, сейчас узнаешь, и тут ты услышал голос старухи: ребенок плакал, а старуха причитала и била себя рукой по высохшей, как доска, груди. У тебя не было времени выслушать причитание, но ты помнил его и мог бы повторить, если бы успел.

С арабским скакуном под тобою,
С черкесской плеткой в руке твоей,
С сильным отрядом за спиной у тебя,
С позолоченным ружьем на плече твоём,
С серебряным кинжалом на поясе твоём,
Загоняющий коня,
Рассекающий грудь врага,
С сердцем льва,
С десницей тигра,
С фиалковыми усами,
С гладкой как эмаль шеей,
С плечами как врата распахнутые,
С широкой грудью,
С глазами — ловцами девушек,
С речами — сватами девушек,
Сын мой, сынок мой! Горе!

Деревянная грудь старухи посинела от ударов, это был сплошной синяк, и каждый раз, когда она, горюя, ударяла сухой мозолистой рукой по своей деревянной груди, место, куда были сухие крепкие пальцы, белело среди синевы, и ты, конечно, никогда бы не предположил, что так хорошо запомнил эту старуху, что так хорошо помнишь народное причитание, которого тебе, слава богу, не приходилось повторять, как повторяла его безумная эта старуха над телом своего сына:

Уезжающий черный всадник, не уезжай,
Путь твой далек, не уезжай,
Слезы матери твоей, сестры твоей
Да будут силками для тебя;
не уезжай, сын мой! Горе!

Слова, которые выкрикивала эта старуха и которые ты вспомнил, не успев повторить, именно сейчас скривили тебе губы, наполнили глаза слезами, тебя душило рыдание, тебе показалось, что ожила твоя мать, что безумная старуха, деревянная грудь которой стала как сплошной синяк, и есть твоя мама, и она причитает по тебе, но это продолжалось всего мгновение, потому что ребенок вдруг снова громко закричал, и на этот раз ты узнал и ребенка и старуху.

Время 20.13.

Ты этого ребенка никогда не видел, но теперь понял, что плачущий ребенок — тот самый, который родился после смерти своего отца, а отца тогда (теперь?) и оплакивала безумная старуха — мать этого умершего парня, а старуху ты видел на его похоронах. Ты плотно сжал веки, потому что не хотел думать о старухе с деревянной грудью, ставшей сплошным синяком, но старуха, которую ты видел всего раз в жизни в течение десяти минут, не скрылась из твоих зажмуренных глаз, и тебе показалось, что она еще успеет воткнуть тебе в глаза свои сухие пальцы, раздерет тебе лицо, грудь, и уж лучше скорее упасть на дно пропасти — скорее, скорее, скорее, скорее...

Самолет задержался, и ты как будто зацепился за что-то, кто-то схватил тебя, задержал, в сердце твоём мелькнула надежда, ты решил, что спасен, что кто-то, что-то пожалели тебя, но в тот же миг ты испугался, что память будет продолжать мучить тебя. Что за бездонная, нескончаемая это была пропасть! И твои мысли снова обогнали скорость, влекущую самолет на дно пропасти, и ты снова увидел старуху, обезумевшую от горя. Как звали ее сына? Он работал в твоём институте, но как его звали? Ты не смог вспомнить, но лицо бедного парня возникло перед твоими глазами, худое, болезненное лицо, — ты увидел его совершенно четко, ясно, как и лицо его матери, и тебя охватил ужас, перед которым все предыдущее было нестрашно: этот парень был очень похож на тебя молодого; правда, лицо у него было другое, но глаза были точно такие же, вернее, взгляд их, выражение было таким же.

Он работал у тебя в институте: кажется, лаборантом; или он в бухгалтерии работал? Нет, нет, он был лаборантом; ты даже прочел и похвалил одну его статью; последнее время он каждый день приходил на прием, и однажды ты принял его. И теперь — через столько лет — ты вспомнил с ужасающей ясностью, что парень, не осмеливаясь сесть при тебе, стоял, и ломал пальцы, и просил чего-то, но ты не мог вспомнить, чего он просил, но как наполнились слезами его больные, печальные глаза, ты теперь увидел с ужасающей ясностью, и эти полные слез глаза смотрели теперь на тебя в крошечной темноте. Что он просил у тебя? Кажется, это был квартирный вопрос: да, да, это был квартирный вопрос; выделенная институту квартира согласно очередности должна была достаться ему, он сказал, что двенадцать лет ждет этой квартиры, сказал, что не может жить... И что же? Больной и печальный блеск его глаз, которые наполнились слезами, когда ты... но ведь ты падал в пропасть, и когда же, наконец, она спасет тебя от этих наполненных слезами глаз? Но и эти глаза падали вместе с тобой в пропасть, и вся беда, что у пропасти, казалось, не было дна. Ты уже забыл, что находишься в самолете, терпишь бедствие, ты не слышал ни обращения командира к пассажирам, не замечал нервно сновавших стюардесс, не видел и не слышал пассажиров — для тебя существовала только крошечная мгла, и ты знал, что вот сейчас все кончится, и тебе хотелось, чтобы это было скорее, чтобы все кончилось, ибо ты не мог больше выдержать.

Да, это был квартирный вопрос: мать, жена, двое детей — квартиры у них не было, и очередь была его, а ты что же — кому-то дал его квартиру? Вспомни, вспомни, кому ты ее дал? Дочери Керимли? Потому что дочь Керимли только вышла замуж? А ты подал документы в академию, и Керимли был один из тех, кто должен был голосовать за тебя и, более того, мог повлиять на других?..

Собрав все силы, ты хотел подняться с места, хотел в этой крошечной мгле броситься куда-нибудь в сторону и тут же с ужасом почувствовал, что не можешь двинуться (ах, да, ремни!), и ты снова увидел старуху, услышал хриплый плач старухи: как луна взошел, как солнце закатился; когда на коня взбирался, у врага сердце разрывалось; того, кто тебя читил, ты привечал; кто не читил, к тому спиной поворачивался; да будет мать жертвой арабского скакуна под тобой, ружья у тебя на плече, полного хурджина у тебя на боку, острого словца с твоих уст, дитя мое! — и только теперь, в крошечной мгле и бескрайней быстрине, мчащей тебя в бездонную пропасть, ты с нестерпимой болью осознал, что больной и печальный парень, стоявший с полными слез глазами в твоей приемной комнате, для своей матери — для старухи с деревянной грудью — был джигитом с ружьем на плече, который скакал на арабском скакуне с полным хурджином на боку. Когда секретарша пришла к тебе и сказала, что он умер, ты сначала не понял, о ком идет речь, потом не без труда вспомнил, что три или четыре месяца назад он приходил к тебе и чего-то просил, потом, выбрав десять

минут, побывал на похоронах бедняги, и все смотрели на тебя с благодарностью, с восхищением, потому что ты пришел на похороны никому не известного лаборанта (он ведь был лаборантом?) и твой приход украсил траурную церемонию. Через два месяца секретарша сказала тебе, что у того парня, который умер от болезни сердца, родился третий ребенок, и ты опять не мог вспомнить, о ком идет речь, потом вспомнил и с искренним сожалением покачал головой. Но как же его звали? Как? Вспомнил: Закир! Вспомнил: Закир! Нет, не Закир. Закир был кто-то другой. Что же теперь делать? Как узнать его имя?

Время 20.14.

Закир был кто-то другой, и в окутавшей все вокруг темноте, как на киноленте, перед твоими глазами замелькали лица, люди, которых ты давно не видел, о которых никогда не вспоминал, никогда не думал, и, пока эти лица сменяли друг друга, твоя мысль работала четко и ясно: итак, ради кого-то, или чего-то, или без причины во время приема в аспирантуру ты поставил этому двойку, этого уволил, этому задержал работу, этого унизил, этой объявил, что влюблен, а потом сделал несчастной; и за этими лицами, быстро сменяемыми друг друга, стояли люди, стояли судьбы, у всех этих людей были семьи, были заботы, были радости, печали, и один твой жест, шаг, одно бранное слово, одна резолюция решали их судьбу. Ты увидел их матерей, жен, детей, которых не встречал никогда, и это не были отдельные матери, жены, дети, это была сплошная масса, и вместо давешнего детского крика теперь у тебя в мозгу стоял какой-то гул, но в этом гуле выделялся голос старухи с деревянной грудью, покрытой синяками. И тут перед тобой появилась твоя мама, и ты с еще горшим ужасом подумал, что за сколько лет впервые перед твоими глазами появилась твоя мама. Ты громко закричал, ты знал, что голос твой не был слышен, но ты закричал и вдруг почувствовал, что дно пропасти достигнуто, вот сейчас произойдет взрыв, и все кончится.

Время 20.15.

Сначала отблески взрыва чуть не выжгли тебе глаза, потом воцарилась тишина, исчез гул у тебя в мозгу, и ты сначала не понял, что случилось, услышал стук собственного сердца, сердце твоё рвалось из груди, и только тогда ты понял, что в самолете зажегся свет. Ты закрыл глаза, но и перед сомкнутыми веками играли блики света, ты обеими руками вытер совершенно мокрые от пота волосы, лицо, потом открыл глаза и на этот раз ясно увидел лампочку вечернего света, иллюминатор, свои руки, свои ноги и внезапно испугался, что волосы твои стали белыми. Ты с трудом повернул голову, бросил взгляд назад: пятилетняя девчушка была на руках у матери, и, кажется, глазки у нее были мокрые, покраснели, но теперь малышка сияла своими мокрыми глазками, и тебе тоже захотелось улыбнуться ей, но губы не раздвигались, ты не смог улыбнуться. Потом ты посмотрел на других пассажиров, посмотрел тайком, украдкой, ты не хотел, чтобы они тебя видели, ты боялся, что они тебя увидят.

Кто-то из пассажиров с жаром что-то говорил другому, кто-то радостно смеялся, кто-то, широко раскинув руки, глубоко дышал, а проходившая мимо хорошенкая стюардесса взглянула на тебя, улыбнулась, сказала: «Не бойтесь», — и ты хотел пожать плечами, сказать: «Чего тут бояться?» — но ни плечами не пожал, ни сказать что-либо не смог, потому что мозг затуманила усталость, тело обмякло, ты был совершенно без сил. Хотел закрыть глаза и хоть на мгновение уснуть, забыться, но ничего не вышло, и ты с тем же жутким утомлением в мозгу так и сидел некоторое время, потом посмотрел в иллюминатор, наружу, и вдруг тебе показалось, что огромная самолетная тень, которую ты давеча видел на аэродроме, тоже летит теперь вместе с самолетом, вместе с тобой.

Время 20.18.

Отстегнув ремень, ты встал и направился к туалету. Тебе казалось, что все на тебя смотрят, все глаза устремлены тебе в спину. Твоя промокшая от пота рубашка еще не просохла и как слой льда прилипла к спине; в этой мокрой рубашке был ледяной холод. Ты вошел в туалет, запер дверь и все еще со страхом посмотрел в зеркало, потому что тебе все еще казалось, что волосы твои побелели, но в зеркале ты снова увидел свои черные как вороново крыло волосы, увидел свое обычное, только очень уставшее лицо и изумился обыденности, обыкновенности своего отражения в зеркале. Какое-то время ты не отводил глаз от этих черных-пречерных волос, от этого лица, потом, собрав все силы, захотел пошутить с собой, захотел спросить: «Ну, как дела?» — но не спросил, вынул расческу, причесался, вымыл лицо, вытерся бумажным полотенцем, вышел из туалета, снова прошел и сел на первое место в первом ряду.

ЭПИЛОГ. СПУСТЯ ПЯТЬ ЛЕТ.

22 сентября 1987 года. Поезд «Баку — Кисловодск». Купе «СВ».

Действительный член Академии наук, руководитель большого Научно-исследовательского Объединения Мардан Дадашлы и случайный пассажир.

— Я сразу же узнал вас, как увидел, Мардан-муэллим. Счастливи, что еду с вами.

— Большое спасибо.

— Честное слово!

— Большое спасибо.

— Вы, наверное, едете отдыхать?

— Да.

— Я хотел купить билет на самолет. Потом передумал. Как будто почувствовал, что стану попутчиком такого человека, как вы, что буду ехать в одном купе с таким замечательным ученым.

— Я тоже впервые еду поездом. Жена, дети, невестки настояли. Все как сговорились: впервые за столько лет выбрал время, взял отпуск, так поезжай, отдохни в поезде. Но разве сравнить с самолетом!.. Правда, однажды, пять лет назад — не помню, куда я летел, — у нас в самолете погас свет, а полет был вечерний.

— Погас свет? Вы смеетесь, Мардан-муэллим, а я представляю себе, какой это ужас. Почему погас? Что случилось, сердце может не выдержать.

— Не считайте сердце таким уж непрочным.

— А что было потом?

— А что может быть? Что-то исправили, и все. Было немного тревожно, но нет ничего лучше самолета...

Перевели с азербайджанского
Эльмира ВЕЗИРОВА и Владимир ПОРТНОВ.

НОВОЕ
ИМЯ

Нина ГНАТЮК

Подсолнухи цветут

Окликнет мама — голоса не слышу:
Заколдовали мне и слух, и взор
Подсолнухи, что зацвели так пышно,
Сзывая пчел на добрый медосбор.

Я здесь живу. В своем родимом доме.
Ко мне без страха ходят муравьи,
Подсолнухам в шершавые ладони
Кладу я руки смуглые свои.

Я — тонкая травинка за оградой
И августа густой медовый звон.
Мне самая высокая награда —
Духмяных наших солнышек поклон.

У криницы

Вернусь,
чтоб снова
речь услышать вашу,
Толкующие о своем деде,
Чтоб поднести ее к губам, как чашу
Живой, студеной ключевой воды,
Настоянной на хлебородных зорях,
На месяца сиянье золотом.
В ней сладкий привкус
бадькиного моря —
Святого моря в житии моем.

Я встану на колени у криницы,
В живую воду опущу ладонь...
Всю жизнь мне пить ее
И не напиться
Пропахшей земляникою водой.

С Ниной Гнатюк я познакомился два года назад в Липецке, где она представляла молодую украинскую поэзию на литературном празднике, посвященном Пришвину. Ее стихи тепло принимали студенты и сталевары, машиностроители и колхозники. Певучие, наполненные высоким чувством строки стихи открыли слушателям талантливую, своеобразного литератора, воспеваящего родную землю, нелегкий крестьянский труд, братство советских народов.

Родилась Нина в селе Безводном Ямпольского района Винницкой области. По образованию филолог. Работала в местных газетах, на радио. Журналистика стала для нее первыми университетами жизни, первой пробой пера. На полях родной Ямпольщины, на колхозных токах, во встречах с земляками, известными своими добрыми делами на всю страну, рождались первые поэтические строки. Потом была первая книжка, получившая одобрительную оценку читателей и критики. В молодой украинской поэзии зазвучал новый голос — чистый, ясный, взволнованный. За книгу стихов «Посеяла жито» Нина Гнатюк в 1980 году была удостоена республиканской комсомольской премии имени Николая Островского.

Недавно в Киеве, в издательстве ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», вышел новый сборник Н. Гнатюк «Шелковица». В нем автор продолжает доверительный разговор со своими молодыми современниками о долге перед народом, перед родной землей, о верности Отечеству. Из чистых кришиц народной речи черпала поэтесса строки, которые составили проникновенно-лирические и публицистические циклы.

С некоторыми из них я хочу познакомить сегодня читателей «Смены» в своих переводах, кстати, первых на русском языке.

Алексей ПЬЯНОВ

Бабушкины рядна

Бабка в хате тклет неспешно рядна.
Словно листопад, они нарядны.
Краски их певучие нетленны...
Стелет ветер чудо-гобелены.

Ткет она налавники цветастые,
Что согреют сердце
в дни ненастные.
Все хлопочет, старая, хлопочет.
Старенький станок стучит до ночи.

Мягкие клубочки убывают,
Бегают челнок, не уставая.
Не ложится, хоть устала очень...
Рядна тклет уже не бабка —
осень.

Спойте еще!

Манане Манадзе

И до сих пор я помню голос ваш,
И звук гитары,
что в душе не замер,
И виноград янтарный, и лаваш,
И детвору с блестящими глазами.

Вся в черном,
как тростиночка, тонка,
Вы пели так, вы так, Манана, пели!
Так матери поют у колыбели,
И песня их летит через века.

Не знала я мелодии и слов,
Но слезы мои щеки оросили.
В той песне
вдовы горько голосили,
В той песне — и надежда и любовь.
Вся Грузия явилась мне тогда —
Прекрасна, темноока, тонкокожанна,
Чтобы остаться в сердце
навсегда...
Вы спойте, спойте мне еще, Манана!

Имена

Сколько же для радости преград!
Как на житном поле колосков...
Вспомню твоё имя — Шарapat¹,
И на сердце посветлеет вновь.

Лютая январская пора
Заметает снегом все вокруг...
Вспомню твоё имя — Гульнара²,
И фиалки выбегут на луг.

Солнышко поднимется со дна
Темной ночи.
Зацветет поля...
Словно амулеты — имена
Тех, кого люблю и помню я.

Зимняя песня

Замерзают реки и сады,
И замерзла б в ожиданье я,
Но под снегом есть твои следы,
Но на свете есть любовь твою.

Утреннею птицей прилети,
Стукни веткой ясеня в окно.
Для меня стал музыкою ты,
Жизнью для меня ты стал давно.

Слов заветных в сердце не тая,
Позови! Любимой назови!
Не ропщу на снег внезапный я:
Ведь зима бывает и в любви.

¹ Шарapat — надежда на лучшее (киргиз).
² Гульнара — цветок.

Перевел с украинского
Алексей ПЬЯНОВ

Рисунки Игоря СУСЛОВА

Амир
МАХМУДОВ

Фотографии

Как капли воды,
два схожих лица:
Вот фото мое,
вот фото отца.
А вот пожелтевший
и мятый листок,
Короткий завет:
«Мужайся, сынок!»
Как «морзе» в эфир,
Переключка сердец:
— Мужайся, сынок!
— Я помню, отец!

Детство

Сквозь ладонь —
ключа теченье,
В озере до дна свеченье,
Солнце четко,
как ромашка,
Вместо невода рубашка.
Горы,
словно аксакалы.
Ветер за бока трепал их.
Сверху дом похож на яхту,
Выплю облако,
как пахту.
Рухнет камень слева,
справа —
Мы вперегонки оравой.
На паях едим краюху,
И не нить
хватает духу.
А в горах трезвонят росы.
Мы худы
и мокроносы.
Ни обуься,
ни одеться...
Сердце выросло из детства.

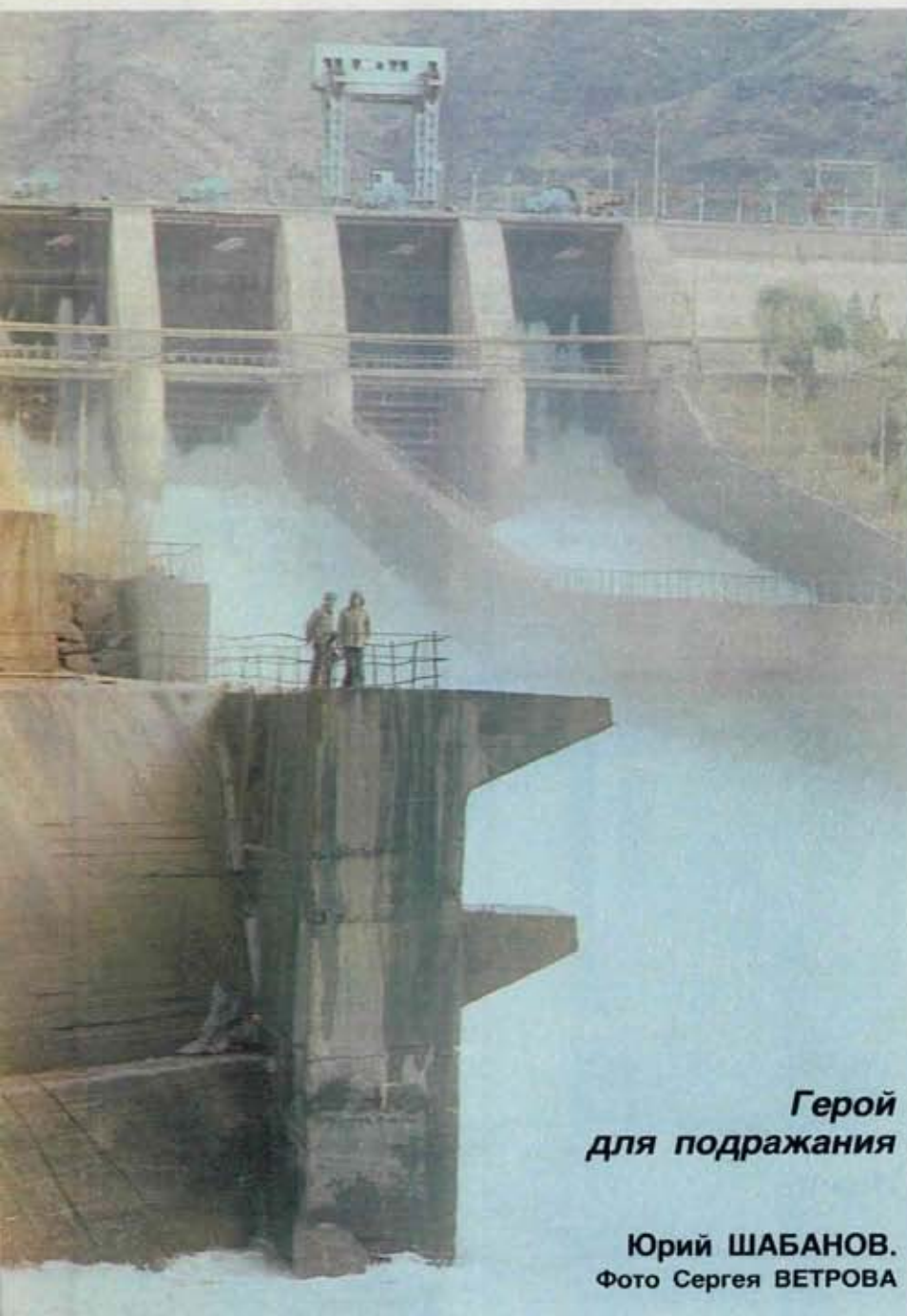

Большая
свадьба

Свежа после странствий душа,
Ей нового хочется,
И, свадебным платьем шурша,
Ушло одиночество.

Любовь,
как три века назад,
Недешево ценится.
Кого, удалой азамат,
Похитить нацелился?...
Открою
друг другу сердца,
И свадьбе не будет конца.
Гостям
не покинуть стола,
Где песни кипят,
как баталии.
Большая, знать,
свадьба пошла, —
Как скажут в Татарии.

Перевела с татарского
Марина КУДИМОВА.

**БАЙПАЗИНСКАЯ ГЭС — ЕЩЕ ОДИН
ИРРИГАЦИОННО-
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС НА ВАХШЕ.**

**Герой
для подражания**

**Юрий ШАБАНОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА**

Жена и дети еще спали, когда Мухаббат осторожно, чтобы не скрипнуть дверь, вышел из дома. Он любит эти утренние часы, когда с гор стекает прохлада, гаснут звезды и прозрачно-молочная, почти воздушная луна и все шире, все ярче разгорается полоска зари за каменистыми вершинами отрогов Памира. До начала смены еще много времени, вокруг ни души, даже Вахш шумит приглушенно, и можно не спеша обдумать, что и как сделать сегодня, да и вообще...

За размышлениями Мухаббат и не заметил, как город проснулся, весь лучистый, сверкающий от утренней свежести. Недаром таджики дали ему имя Нурак (Нурек). От слова «нор», что значит «огонь», «свет».

Но если бы не Станция, рассуждал Мухаббат, кто бы заметил маленький, будто бы в насмешку заброшенный аллахом чуть ли не на «крышу мира» кишлак Нурек? Единственным светильником в этом горном крае служил очаг,

разведенный в кибитке дехканина. Да еще костер, охранявший в темные ночи покой чабана, забредшего с отарой на дальние пастбища.

В старину течение Вахша сравнивали со стрелой, пущенной могучей рукой Рустама, чьи подвиги воспел бессмертный Фирдоуси в своей «Шахнаме». Говорили тогда так: кто изменит направление бега реки, у того будет счастливая судьба. Изменили его, покорили своей воле строители, перегородив реку трехсотметровой плотиной. Такие, как Герой Социалистического Труда, бригадир бетонщиков, делегат XXVI съезда партии Мухаббат Шарифов.

Чем была прежде Яванская долина, Мухаббат прекрасно помнит. От зноя почва здесь так нагревалась, что и сквозь обувь обжигало ноги. Люди часами стояли у колодцев за сочившейся по капле солоноватой водой и делили ее между собой пиалами. А сегодня безводная в прошлом степь превратилась в оазис.

А сам Мухаббат? Разве не достиг таких вершин, о которых он, сын простого дехканина, и мечтать не мог?!

СТРЕЛА РУС

МУХАББАТ —
ИСТИННЫЙ ЛИДЕР.
ТАК СЧИТАЕТ БРИГАДА.

СОВРЕМЕННЫЙ СТРОИТЕЛЬ
ДОЛЖЕН УМЕТЬ
ЧИТАТЬ ЧЕРТЕЖИ «С ЛИСТА».

ВПЕРЕДИ
КРУТОЙ ПОВОРОТ.

И НА РУКОТВОРНОМ МОРЕ
БЫВАЮТ НАСТОЯЩИЕ ВОЛНЫ,
НО С ПАПОЙ
НИЧЕГО НЕ СТРАШНО...

Может, все с имени началось, которым нарекли его? Оно ведь звучное, поющее, как струна дутара. Мухаббат в переводе на русский означает любовь. По древнему таджикскому поверью имя, данное отцом ребенку, определяет весь его жизненный путь.

Вообще-то отец ласковое имя для дочери приберегал. Сын уже у него был, и он очень ждал девочку. Но родился опять мальчик.

— Эх, была не была,—махнул рукой Шариф,—пусть остается Мухаббатом. Суждено, значит, так. И, наверное, к лучшему. Когда любовь в делах сопутствует, можно горы свернуть. Счастливым будет. Так ведь, Мискол?

Жена согласно закивала головой. Уж она-то наверняка знала, какое это счастье—любовь. Потом, много лет спустя, Мухаббат прочтет у Льва Толстого: «Талант—это любовь. Кто любит, тот и талантлив»,—и подивится совпадению мыслей великого писателя и своих родителей.

Отец и мать... Их давно нет. Он сам рано стал отцом: вначале для младших братьев и сестры, которым заменил умерших родителей, потом для собственных детей. Через все годы пронес он верную любовь к тем, кто даровал ему жизнь. Сколько воспоминаний связано с ними!

— ...Бегите скорее, дети, отец вернулся!

Мискол показала сыновьям на дорогу, а сама захлопотала у казана. Муж возвратился из дальней поездки в район, куда возил колхозное зерно. Устал, пропылился насквозь, проголо-

дался, а чем ей накормить своего Шарифа? Кроме замешанной на отрубях жидкой похлебки и нет ничего. Ох, горе-горе! Но, может, скоро посвободней вздохнем? Строгий начальник приезжал, говорил, что недолго осталось ждать конца войны. Будь она проклята!

А Мухаббат со старшим братом Ахмадом наперегонки мчались по серой от пыли дороге, спеша к приближающемуся человеку на осле.

— Отец, отец!

Он заулыбался, соскочил с осла и раскинул руки, обнял сыновей. На этот раз отец привез не только леденцы, но и интересные новости.

— Скоро,—сказал он,—начнем строить дорогу на Орджоникидзеабад.

— Какую дорогу?—с любопытством спросил младший сын.—Зачем?

— Помнишь, я рассказывал, как сюда еще до войны геологи приезжали. Говорили, что со временем будут на Вахше строить электростанцию. Значит, пришло это время. А пока дорога нужна, чтобы все необходимое сюда завезти...

Уже повзрослев, Мухаббат прочел про те тридцатые годы, когда сюда приезжали геологи. Экспедиция работала на левом берегу Вахша, а с правого за ней злобно следили глаза басмачей. Порой завязывались перестрелки...

Какие же они близкие, эти далекие годы, думает Мухаббат. Он нередко заходит в городской сквер и подолгу смотрит на кусок скалы под стеклом, где начертан профиль Ленина. Это память о тех, кто начинал строительство. И наказ продолжать их дело.

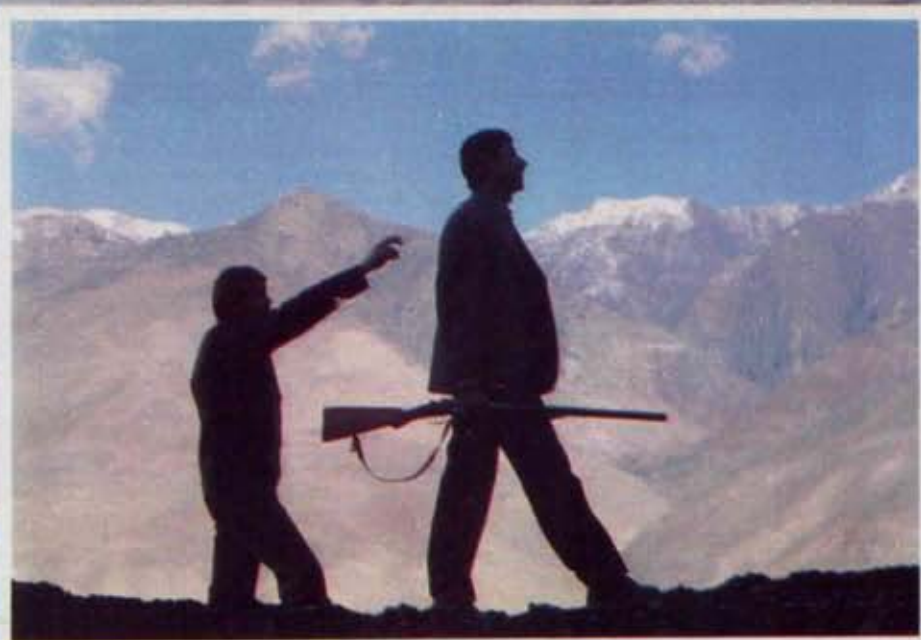
ТАМА

лал. Обеспечение материалами у нас далеко от идеального. Поэтому кумекай сам. Я по пустыкам начальство не беспокою, стараюсь самостоятельно выход найти.

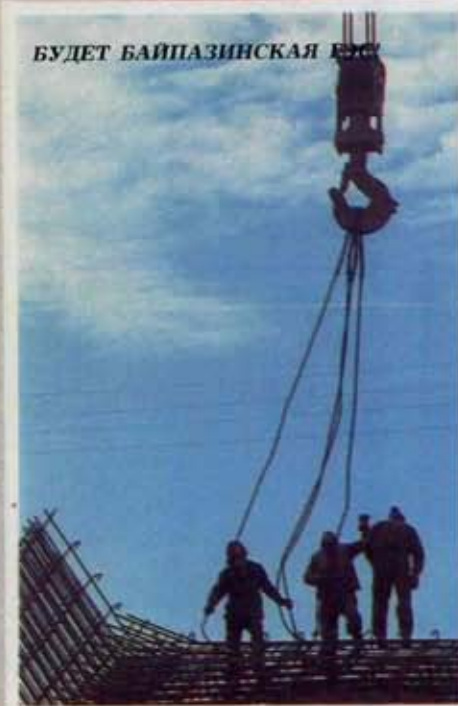
Вот и сейчас Мухаббат не стал звонить начальнику участка, что долго не везут им металлических сеток для армирования портала. Сел на попутный самосвал и поехал на железобетонный завод, к смежникам по «Рабочей эстафете».

Соревнование под этим названием, известное теперь всей стране, зародилось именно здесь, в Нуреке, двенадцать лет назад. И Мухаббат Шарифов был одним из его зачинателей. Стройку тогда лихорадило из-за отсутствия железобетонных плит и колонн, которые изготавливали неподалеку от Нурека на

ОХОТА—
ЛЮБИМЫЙ ВИД ОТДЫХА

БУДЕТ БАЙПАЗИНСКАЯ ГЭС

БУДНИ
ДЕПУТАТА ШАРИФОВА:
ЧЕМ ОЗАБОЧЕНЫ, ДОКТОР?

КРЕДО БРИГАДИРА:
ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ
С ПОРЯДКА.

МИРНЫЕ ВЗРЫВЫ
НА БАЙПАЗЕ.

Орджоникидзебадском домостроительном комбинате.

Мухаббат вместе с бригадами Алексеем Зуевым, Василием Поздняковым и Владимиром Уткиным отправились в Орджоникидзебад, встретились с рабочими.

— За строительством гидроэлектростанции,— говорил им Шарифов,— следит вся страна. Мы обещали пустить первый агрегат на год раньше срока. Без вашей помощи нам этого не сделать. Наш позор будет и вашим позором...

Строители Нурекской ГЭС вызвали заводчан на соревнование. Те поддержали их предложение. Так родилась «Рабочая эстафета».

Когда бригадир свердловских машиностроителей Герой Социалистического Труда Петр Топорков ступил на нурекскую землю, первым его встретил Мухаббат Шарифов. Панорама строительства поразила Петра. Как раз шел монтаж очередного агрегата, изготовленного в Свердловске...

— Потом агрегаты эти стали поступать точно по графику,— сказал Шарифов.— Это хорошо, когда смежники приезжают друг к другу, видят на деле, как связаны их интересы. Порядок и дисциплина должны быть во всем: и в отношениях партнеров по соревнованию и внутри коллектива.

Кстати говоря, мыслями об укреплении дисциплины его попросили поделиться перед профсоюзным активом республики. Приглашение Шарифов принял охотно. На душе наболело. Всей бригадой обсуждали, что скажет. Самый молодой в коллективе, значит, и самый горячий, Мамед Хамидов нажимал на причины простоев.

— Обязательно скажи, что переезд со строительными материалами обяза-

«ЭТО МОЯ СЕМЬЯ»

ют. И про автобус не забудь. Одного мало, второй нужен, чтобы вовремя людей на работу привозить...

Опытный Абдусалом Гурезов перебил его:

— Что сильно кричишь, молодой? Не с этого начинать надо. У нас своих грехов хватает. Наказываем, конечно, нарушителей своими силами, коэффициент трудового участия снижаем им, но последнее слово пока за начальством все-таки остается.

Поздно вечером, накануне поездки Мухаббата в Душанбе, встретились с ним в профкоме управления строительством.

— Вот хорошо,— обрадовался он. — Прочитай, что мы тут с ребятами набросали. Как думаешь, нормально?

— Все верно,— говорю,— и о правах бригады и про автобус. Может, только стиль не очень...

— Зачем стиль? Я об идее говорю. Думаешь, по бумажке читать стану? Своими словами скажу. А написал, чтобы не забыть чего. Книжки полистал. Цифры выписал. Представляешь, оказывается, в целом по стране из-за нарушений дисциплины и плохой организации труда за год теряется продукция в таком количестве, что можно пять Нурекских ГЭС построить. Мы прикидывали...

К каждому своему выступлению перед любой аудиторией Мухаббат готовится тщательно, словно на смену заступает.

— Когда Шарифов и другие наши герои стройки приходят к ребятам,— говорит друг детства Мухаббата директор средней школы № 1 города Нурека Обда Камолович Камолов,— в актовом зале места свободного не найдешь. Слова у Мухаббата простые, а берут за сердце. Он стройку с первого колышка начинал, кому, как не ему, ребят на путь истинный наставлять!

Бригадир, наставник, общественник... Различных поручений у Мухаббата на десятерых хватит. Он член ЦК Компартии Таджикистана, член бюро Нурекского горкома партии, депутат Постаканского сельсовета. Спросил у него, как он успевает везде?

— Сам удивляюсь,— смеется, а потом серьезно.— Главное— доводить начатое до конца, ведь на подчистку да переделку как раз больше всего времени и уходит.

Иллюстрацией к этому ответу стал рассказ секретаря горисполкома Клавдии Ивановны Даниловой о том, как депутат Шарифов заведовал внештатным отделом торговли. Нечистые на руку продавцы боялись его, как огня. Одного заведующего магазином на машинациях поймал. Выступил затем на заседании исполкома. Мошенника сняли с работы. С продажей дефицитных товаров порядок навел. Депутатские посты в магазинах расставил, контроль со стороны предприятий наладил. «Словом, любое дело до победы доводит».— заключила свой рассказ Клавдия Ивановна.

...Мухаббат посмотрел на часы: пора на смену собираться. А то слишком уж рассветом залюбовался, так и опоздать можно. Правда, за время вроде бы бесцельного сидения на крыльце дома успел кое-что продумать, спланировать будущий рабочий день. Так всегда с ним бывает. Чем бы другим ни занимался, куда бы ни уносился в мыслях, какая-то часть его «я» постоянно на одну волну настроена— на работу, ту, которой он отдал четверть века.

Восход сегодня и вправду был удивительно красив. Вот и легенду о стреле Рустама вспомнил: Вахш несется стремительно, как стрела.

А люди на лету схватили ее и направили в нужную им сторону...

ПУШКИНСК

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Часто говорят: «уроки жизни», «наука жизни». А существует ли она, наука о том, как нам жить? Ведь, честно говоря, живем мы, как живется, день ото дня. Конечно, руководствуемся определенными правилами (нравственными и юридическими), но в учебники и руководства «по жизни» не заглядываем, да и нет их, таких учебников.

Но чем больше живешь, тем яснее становится, что процесс жизни требует все же особого умения жить—не путать с обывательским понятием «уметь жить», то есть всячески устриваться и приобретать, приобретать... Материальные блага—дело, конечно, необходимое, тут сомнений быть не может, и речь идет не об отрицании их (что было бы лицемерием), а о самом понятии жизненной прочности. Иным кажется, что она заключается именно в материальном, в том, что построено из кирпича, бетона, металла, дерева (действительно ведь прочность!), но сколько раз приходилось всем нам видеть, как эта прочность разлетается в куски (а дача, квартира и прочее теряют ценность, раздвигаются в дележке) исключительно по неведению, из-за неумения людей жить друг с другом. Умение жить—это умение построить прочный мир человеческих отношений, а это—дело сложное, тонкое, требующее предвидения, искусства, и без знаний тут не обойтись. Вот почему нас не может не интересовать опыт предыдущих поколений, не только общий, коллективный, закрепленный в законах или, предположим, в литературе, но и личный опыт, для каждого человека свой. Он особенно интересен, этот опыт, если речь идет о крупных личностях, о людях, которых называют великими. Мы с интересом, порой даже с жадностью читаем биографические страницы—не из одного праздного любопытства (хотя и оно тут присутствует), но и потому, что нам важно понять, как эти люди решали свои житейские дела, как справлялись с заботами, как строили свои любовные, семейные, дружественные отношения. И тут нам безмерно интересен опыт великого Пушкина. Вот уже почти полтора века, как поэт нет на свете, но магнетическое притяжение его личности, собственное его обаяние для нас не ослабевают, а наше горе от потери так живо, будто дуэль была только вчера.

Итак, Пушкин.

В молодости он, как известно, был влюбчив, непостоянен, его многочисленные любовные истории приносили женщинам не только радость, но нередко и горе. Такое было время: разгульная удаль, любовные похождения, кутежи, дуэли—все это не только не бросало тени на молодого человека (на мужчину, конечно, не на женщину), но даже способствовало его светской славе. Этот юный Пушкин-повеса никак не должен заслонять от нас другого, зрелого Пушкина, глубоко серьезного, обладавшего высоким чувством ответственности перед обществом и людьми.

Когда в Москве и Петербурге пошли слухи о предстоящей пушкинской женитьбе, многие пророчили поэту творческий спад (ярче всего это проявилось в письме Е. М. Хитрово, женщины безнадежно и до конца жизни влюбленной в Пушкина: «Я боюсь за вас: меня страшит прозаическая сторона брака! Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы полная независимость, и развитие его способностей ряд несчастий—что полное счастье, прочное, продолжительное, и, в конце концов, немного однообразное, убавляет способности, прибавляет жиру и превращает скорее в человека средней руки, чем в великого поэта!»). Но вот Пушкин получил анонимное письмо, где говорилось обратное: охваченный «небесным пламенем любви», поэтический гений поэта воспарит снова.

Пушкин был тронут. «К доброжелательству досель я не привык,—писал он в своем стихотворном ответе,—и странно мне его приветливый язык». «Холодную толпу» не заботит счастье поэта, жалуется он, «любители искусств» даже полагают, будто несчастья—«внезапное волнение, утрата скорбная, изгнание, заточение»,—все это полезно творческому процессу. «Тем лучше!»—говорят они,—наберет он новых дум и чувств и нам их передаст». Трудно сказать, кто был прав в этом споре, если говорить вообще о пушкинской судьбе, но, поскольку речь идет о периоде жениховства, этот период тревог и неустойчивости, осложненный к тому же тяжким холерным пленом, надо думать, сильно способствовал тому невиданному взлету поэта, который называется первой Болдинской осенью. Она изучена по дням, чуть ли не по минутам, эта осень, пушкинисты вслушались в интонацию каждой строки, а нам интересно было бы снова просмотреть

ее, на этот раз с точки зрения предстоящего Пушкину жизненного перелома—женитьбы.

Итак, осень 1830 года. Давно отмечено: на улице ясный сентябрь, а в душе поэта почему-то «мчатся тучи, выются тучи» и в мутной мгле с воем кружатся бесы.

Пушкин написал «Бесов» 7 сентября, а на следующий день—знаменитую элегию «Безумных лет угасшее веселье...»—уже впрямую о собственной судьбе.

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино—печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.*

*Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе.
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.*

*И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревожненья:
Порой опять гармонией угрюшо,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть—на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

«Я жить хочу»—из тисков тоски, тревоги, дурных предчувствий он вырывается в жизнь, в надежду; мыслить и страдать, это наверняка; улыбка любви—она может быть, да и та с грустью.

«Мой путь уныл», а в будущем только «труд и горе»—так пишет счастливый жених накануне женитьбы. Счастливый, стало быть, в кавычках? Именно так и скажут потом его биографы, а в те дни друзья подозревали даже, будто он рад был бы уклониться от этой женитьбы. Сам Пушкин против подобной трактовки протестовал. «Как же не стыдно было тебе понять хандру мою, как ты ее понял? хорош и Дельвиг, хорош и Жуковский. Вероятно, я выразился дурно; но это вас не оправдывает. Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданым, а уж, конечно, не я. Я бесился. Теща начинала меня дурно принимать и заводила со мною глупые ссоры; и это бесило меня. Хандра схватила, и черные мысли мной овладели. Неужто я хотел или думал отказаться? но я видел уж отказ, и утешался чем ни пошло». Письмо это писано П. А. Плетневу 29 сентября, но раньше, 9 сентября, через день после «Бесов» и на следующий день после «Элегии» («Безумных лет...»), он пишет тому же Плетневу: «Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович... Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю». Этот отдых обернулся могучим творческим взлетом. Но для нас сейчас самое важное в том, что Болдино 1830 года—это подведение жизненных итогов, великая перестройка судьбы, энергичная подготовка к будущему.

Пушкин очень ждет его—и боится. И готовится к нему с серьезностью человека ответственного.

Сперва—прощание с прошлым. Он перебирает, пересматривает прожитую жизнь и как бы от нее отрекается. Тема раскаяния раньше с необыкновенной силой звучала в пушкинской поэзии, теперь для нее существует непосредственный повод. Его холостяцкие похождения, умноженные к тому же стоустой молвой, теперь атакуют его тревогой: встревожена не только теща, но и сама юная Наталья Николаевна; будущая жена его в сомнениях, в недоверии, и у нее, увы, есть к тому основания.

*Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...*

*Клянусь коварные старанья
Преступной юности моей...*

Итак, в ходе душевной работы болдинского периода первое дело—прощание Пушкина с веселым, бурным холостым прошлым.

Есть где-то его живая любовь, с ней он прощается просто, без романтических призывов, с глубокой печалью. Мы не знаем, кто была эта женщина (у каждого пушкиниста, кажется, есть свой прототип этой «утаенной любви», прошед-

шей, как полагают, через всю пушкинскую жизнь). Нам важно, что в преддверии женитьбы он простился навеки и с этой любовью.

*Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.*

Эти трагические строки написаны 5 октября, в удивительный день, когда был начат «Домик в Коломне». Как бы ни развивалась мысль поэта, по каким бы течениям ни шло его настроение, все равно глубинная работа итогов, надежд и планов в душе его не останавливалась. А планы его, несмотря на все тревоги и дурные предчувствия, были четкими и продуманными.

Пушкин, бездомный всегда, включая детские годы, собиравший строить свой Дом.

Он женился не только потому, что был влюблен в Гончарову, а потому, что хотел создать настоящую семью, с любимой женой и любимыми детьми, душа его жаждала тепла и прочной жизненной основы.

Но Дом в значительной степени зависел от того, какова Хозяйка.

Женский идеал Пушкина достаточно известен—Татьяна. Достоинство, сдержанность («все тихо, просто было в ней»), светская безукоризненность, презирающая высшее общество, потому что в душе этой «законодательницы зал» живет прежняя Таня, готовая отдать «всю эту ветошь маскарада, весь этот блеск, и шум, и над за полку книг, за дикий сад...». Но если прежнюю Таню легко представить себе среди усадебного быта (да она в нем и написана), то Татьяну второй части, величественную и аристократическую, в простой повседневности—женой—представить себе нельзя. Между тем в «Онегине» Болдинской осени есть и другой женский идеал, данный в окружении нарочитой прозы (словманный забор, утиный пруд и даже кабак с балалайкой и плясками), и сам поэт нарочито прозаичен: «Мой идеал теперь—хозяйка, мое желание—покой, да шей горшок, да сам большой». Ироническая интонация не должна нас смущать—в этих строчках нам представлена истинная мечта Пушкина о тепле и покое.

Можно ли совместить эту деревенскую хозяйку с аристократической Татьяной? Мы увидим, что именно этого соединения аристократизма и домашнего тепла ждет Пушкин от своей жены. А главное, она должна быть «своей брат». «Ты не можешь вообразить,—писал Пушкин Плетневу,—как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать». В этих строках видели как бы укор Наталье Николаевне, тем более что чуть ниже Пушкин пишет: «А невеста пуце цензора Щеглова, язык и руки связывает», как бы свидетельство недостатка к ней пушкинской любви—и напрасно, о чем ясно говорят следующие строки: «Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней лишь сколько хошь. А невеста...»—и далее уже знакомые нам строки про цензора Щеглова.

Вообще представления о том, будто Пушкин был опрометчив в выборе невесты и слишком уж пленился ее красотой, действительности не соответствуют. Разумеется, он был влюблен, но головы отнюдь не терял, а выбирал осмысленно. В пору дурного настроения он даже прямо писал об этом Н. И. Кривцову: «...Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе, как обыкновенно живут. Счастья мне не было (...) Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся—я поступаю как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женись без упоения, без ребяческого очарования... Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

Слова «я женись без упоения, без ребяческого очарования» говорят не о недостатке любви поэта (ей достаточно доказательств), но о трезвости выбора. Наталья Николаевна Пушкину подходила, он разглядел в ней «своего брата». Что бы ни утверждали биографы (и, в частности, ревнивые биографы-женщины), эта девушка соответствовала пушкинскому идеалу во многом: была проста, сдержанна, мила (современники единодушно отмечают ее молчаливость, сдержанность, прелесть манер).

Писем Натальи Николаевны мужу нет (они в свое время

Спазмы сжимали горло. Снег застилал глаза. Хрупкий лед крошился под отточенными лезвиями «викингов». Перед ним лежала последняя прямая на пути к манящему, как мираж, финишу.

Стонали трибуны. Сорвавшимся голосом кричал что-то диктор. Паниковала, суетилась тренерская «биржа» у кромки льда. А Густафссон, стоя на запасной дорожке, закрыл руками глаза. Когда он открыл их и посмотрел на табло, по его щекам потекли слезы.

Эта маленькая драма приключилась на олимпийском катке «Зетра» 18 февраля примерно в 10.00 по сараевскому времени. В тот день и час 19-летний дебютант Олимпиады Игорь Малков из Свердловска опередил в марафоне знаменитого шведа Густафссона на пять сотых секунды, или на 530 миллиметров.

Впрочем, это не единственная сенсация на «Зетре». 21-летний москвич Сергей Фокичев обыграл всех асов спринта на самой престижной и романтической дистанции 500 метров, а другой москвич—22-летний Олег Божьев—завоевал бронзовую награду на 1500

ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ЗРИТЕЛЕЙ СЛЕДИЛИ ЗА СОРЕВНОВАНИЯМИ ЛЫЖНИКОВ У ГОРЫ ИГМАН И НА МНОГОКИЛОМЕТРОВЫХ ТРАССАХ.

прогадали: Николай Зимятов стал олимпийским чемпионом! Тогда никто и предположить не мог, что это будет первое и последнее наше «золото» в лыжных гонках.

Ставка в команде была на гонщиков испытанных, с солидной международной репутацией—Николая Зимятова, Александра Завьялова, Раису Сметанину. И лидеров упрекнуть в общем-то не в чем: они выступали на пределе сил и в личных дисциплинах собрали всю коллекцию медалей для команды—зо-

ОЧЕРЕДНОЙ ОЛИМПИЙСКИЙ СТАРТ РАИСЫ СМЕТАНИНОЙ.

ОЛИМПИЙСКИЕ МГНОВЕНИЯ

Владимир КУЧМИЙ.
Фото
Григория ТЕРЗИБАШЬЯНЦА

И СНОВА В ФОКУСЕ ВСЕОБЩЕГО ВНИМАНИЯ ЛУЧШАЯ ХОККЕЙНАЯ КОМАНДА МИРА — СБОРНАЯ СССР.

для нее, безусловно, даром не пройдет. А что вынесет из своей туристской повозки в Сараево дебютант команды Владимир Мазалов? На Игмане он на старт так и не вышел, хотя имел для этого основания: как-никак прошлогодний чемпион СССР. Почему бы его не поставить, например, в гонке на 15 километров вместо того же Зимятова, который не лучшим образом бежит эту дистанцию? Но опять понадеялись на лидеров. Аось, вывезут. На этот раз не вывезли....

Вы когда-нибудь сидели в бобе? Мне довелось. Правда, именно посидеть, ибо на трассу, как ни просился, не взяли—не рискнули. А ощущения на трассе, говорят, космические. Боб-ракета с обтекаемым носом мчится со скоростью под 120 километров в час, и надо обладать большим мужеством и мастерством, чтобы укротить и норовистую машину и соб-

метров. Тот самый Божьев, который через неделю после Игр вернет нашей стране спустя 22 года звание абсолютного чемпиона мира в классическом многоборье.

Специалисты были в шоке: до Олимпиады никто толком не знал, как правильно произносится фамилия Малкова (уточняем—с ударением на первом слоге). Фокичева многие принимали за фигуриста—такой он воздушный, изящный, а фамилия Божьева даже в олимпийском справочнике «Кто есть кто» не значилась. Все трое попали в олимпийский экспресс, уходящий в начале февраля в Сараево, в последнее мгновение—будто вскочили на подножку. Теперь даже боязно подумать: а ведь могли и не попасть, а ведь могли их и проглядеть...

Олимпиады обладают огромной притягательной силой. Чем слышнее олимпийский набат, тем честолобивее, дерзновеннее за-

мысли не только испытанных бойцов, но и безвестных новичков. Так было во все времена. Так было и на этот раз. Безвестные новички выходили из олимпийских сражений скороходами с мировым именем.

Ищите таланты! К этому призывают события на льду «Зетры». Ищите смелее и настойчивее. Ведь у нас нет недостатка в способной молодежи. Задача детских тренеров—выпестовать новичка, выучить его конькобежной азбуке, задача тренеров сборной—преподать ему урок высшего мастерства и, не боясь риска, вывести на большой лед. Это процесс долгий, кропотливый, но благодатный.

10 февраля журналистский корпус в Сараево ломал голову. Куда поехать? Слишком обширна олимпийская программа, слишком много соблазнов. Мнения разделились. И все же большинство поехало на гору Игман, где лыжные гонщики шли 30 километров. И не

лотую и три серебряные. Но, всецело пожившись на опыт испытанных мастеров, тренеры будто бы позабыли о молодежи, сразу же, еще до Сараева, отвели ей второстепенные роли.

Было бы наивно полагать, что в лыжах у нас меньше талантов, чем, скажем, в коньках. Каждый год на домашних стартах мы открывали имена способных, самобытных гонщиков, особенно среди женщин, расточали им комплименты, говорили: это наши олимпийские надежды. Но вот пришла Олимпиада, а «надежд» там мы, по сути дела, и не увидели.

Впрочем, несколько молодых гонщиков в Сараево все же было. Но на трассу из них вышла одна лишь Юлия Степанова—землячка прославленной Галины Кулаковой, с которой они в Ижевске живут по соседству. Степанова в отличие от своей соседки лавров на Олимпиаде не снискала, но олимпийский урок

НА КРУТЫХ СКЛОНАХ ГОРЫ БЕЛАШНИЦА ТОЛЬКО ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО ПОЗВОЛЯЛО ДОЙТИ ДО ФИНИША.

ственные нервы. Но двойное мужество, верно, требовалось от тех, кто первым начинал гонки на бобах, — от первопроходцев.

Это сейчас о советских бобслеистах пишут с нескрываемым восхищением. Например, как это сделала еще накануне Олимпиады одна французская газета: «Быстроходные русские «сигары» потрясли бобслейный мир». Это теперь Я. Кипурс и А. Шнепсто носят звание чемпионов Европы, а З. Эксманис и В. Алек-

сандров завоевали на горе Требевич бронзовые олимпийские медали.

Всего четыре года назад все приходилось начинать, что называется, с нуля. В стране не было ни базы, ни тренеров, ни бобов, ни трасс. Было только одно — желание, огромный энтузиазм. Роланд Упатниекс, известный в прошлом саночник, был назначен тренером сборной СССР, когда сама сборная существовала только на бумаге.

Молодого тренера и его юных учеников (а те и бобов-то еще в глаза не видели!) поддерживал спортклуб Рижского производственного объединения ВЗФ. Прежде всего нужно было **НИ ЕДИНОГО ПРОМАХА НЕ ДОПУСТИЛ НА ОГНЕВЫХ РУБЕЖАХ ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВ. ОН ШЕЛ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ «ЗОЛОТОЙ ЭСТАФЕТЫ» БИАТЛОНИСТОВ СОВЕТСКОЙ СБОРНОЙ.**

УСПЕШНО ПРОШЕЛ ОЛИМПИЙСКИЙ ДЕБЮТ НАШИХ БОБСЛЕИСТОВ. К СТАРТУ ГОТОВЫ ЯНИС КИПУРС И АЙВАР ШНЕПСТ.

всаях крыльев, стремясь как можно дальше оттянуть встречу с землей. Прыжки на лыжах являются живым воплощением извечной мечты человека говорить на «ты» с воздушной стихией.

Поэтому неудивительно, что такой большой интерес у болельщиков, съехавшихся в Сараево, вызвали состязания олимпийцев-прыгунов. Борьба за награды Белой Олимпиады получилась на славу. Но, увы, в который

ВПЕРВЫЕ СТАЛИ ПРИЗЕРАМИ В ТАНЦАХ НА ЛЬДУ МАРИНА КЛИМОВА И СЕРГЕЙ ПОНОМАРЕНКО.

уж раз советские спортсмены не смогли найти веских аргументов в дискуссии с зарубежными соперниками. Лучшим из них оказался Геннадий Прокопенко, который довольствовался местом в третьем десятке.

Спорт есть спорт. От неудач не застрахован никто. Но поражения поражениями рознь. Самое печальное в ситуации, сложившейся сейчас в этом виде зимнего спорта в нашей стране, это то, что даже его лидеры и близко не могут подойти к мировой прыжковой элите. Добро бы надежды, которые на них возлагаются, не имели под собой никакой почвы. Но ведь знали мы и лучшие времена, ведь и наши спортсмены вкусили радость больших побед. Вспомним хотя бы Владимира Белоусова.

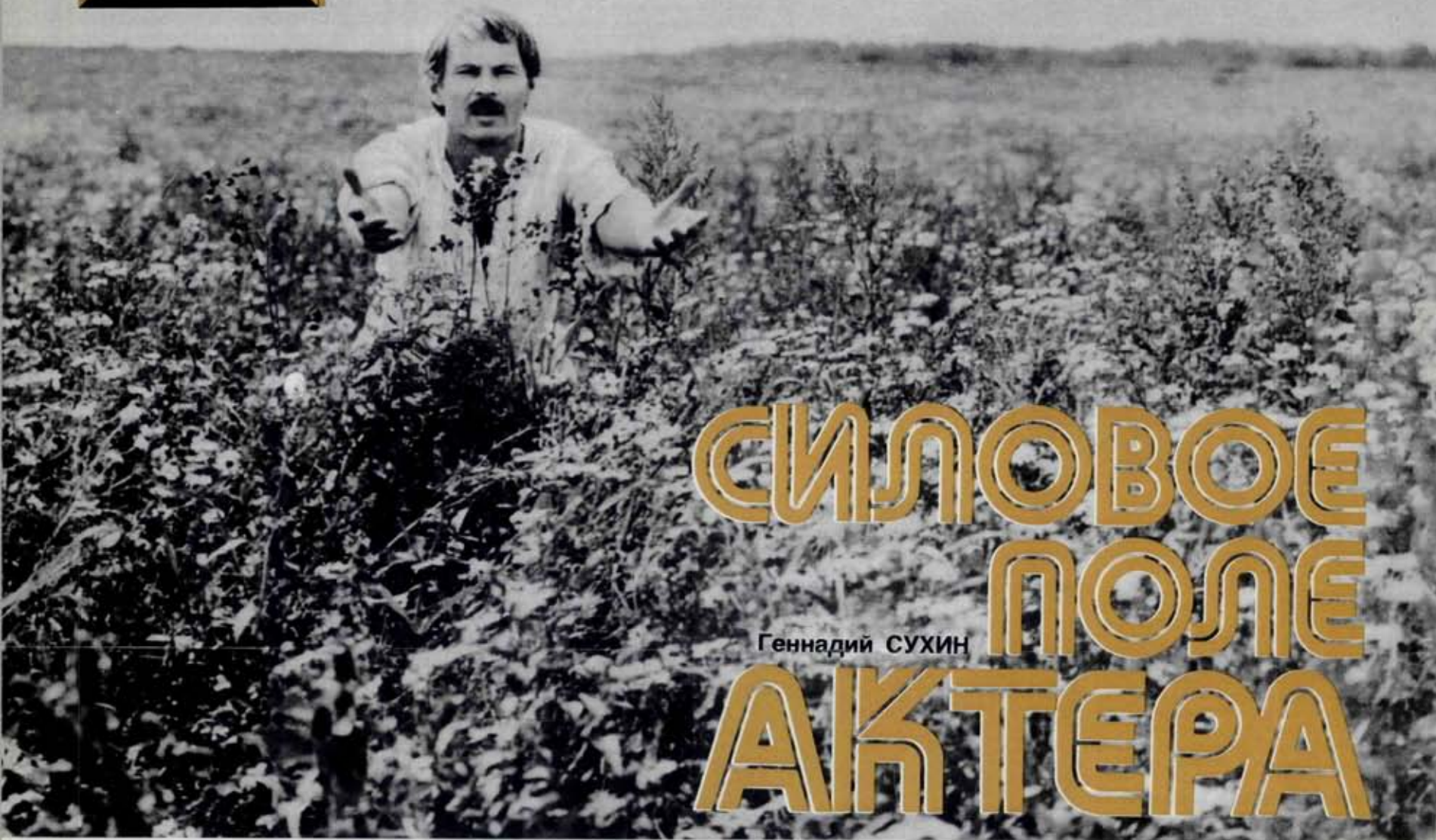
СЕРГЕЙ ФОКИЧЕВ (В ЦЕНТРЕ) — САМЫЙ БЫСТРЫЙ КОНЬ-КОБЕЖЕЦ ОЛИМПИАДЫ.

завоевавшего «золото» на Олимпиаде-68, или Гария Напалкова, ставшего чемпионом мира в 1970 году. Почему же их преемники не в силах продолжить эту победную эстафету?

Причин много: проблемы материального оснащения этого вида спорта, издержки системы подготовки боеспособных резервов сборной команды, низкое качество работы большинства специалистов, призванных решать эти задачи. В благих намерениях по поводу того, как нам выйти из прыжкового тупика, недостатка нет. Давно пора от слов перейти к делу.

Сараево — Москва.

СИЛОВОЕ ПОЛЕ АКТЕРА

Геннадий СУХИН

— Да нет же, нет,— запротестовал Владимир Гостюхин, прочтя в одном из вариантов этой статьи красивый авторский пассаж относительно его решимости в некий период жизни поставить крест на собственной актерской судьбе.— Я никогда не помышлял об этом; слишком долго я шел к праву называться актером, и слишком дорого оно мне доставалось. Разочаровывался— и в своих притязаниях и в складывавшихся обстоятельствах— увя... Но чтобы поставить на всем «крест»? Нет, нет и нет. Это мое! То, что называют призванием...

Сегодня он, как говорится, на виду: заслуженный артист и лауреат Государственной премии Белоруссии, премии Ленинского комсомола, награжден серебряной медалью имени А. Довженко, которой отмечают в кино произведения на героико-патриотическую тему,— за исполнение заглавной роли в фильме «Старшина». На Международном кинофестивале в итальянском городе Сан-Ремо его работа в «Охоте на лис» признана лучшей... Его активно снимают: роль в дипломной короткометражке соседствует с рекламируемой прокатчиками по принципам анонса: «Смотрите! В главной роли!»... Его узнают на улицах... Сбывается, по-видимому, высказанное года три назад на смотре молодых кинематографистов в Киеве пророчество, что исполнитель главных ролей в конкурсных фильмах «Случайные пассажиры» и «Старшина» непременно выдвинется в ряд первых актеров нашего кино и станет кинозвездой...

Впрочем, понятие «кинозвезда» настолько не вяжется ни с тем, что он делает на экране, ни с его внешностью, что вызывает по меньшей мере улыбку. Вот такой курьез в одной из статей о нем: «...яркая внешняя его фактура привлекла пристальное внимание руководителя самостоятельного коллектива...».

Да в том-то и дело, что нет в Гостюхине этих фактурных «актерских» примет— ну там, стати, походки, «магнетического» взгляда... Ростом он невысок и не то что бы субтилен или неказист, а таков, как и любой из встречаемых. Экран странным образом его укрупняет. Не сказать, что придает солидности или массивности, а выявляет значительность, что ли.

В жизни он решительно не соответствует экранному образу своего эмоционально замкнутого, не улыбающегося героя: молодого мужчины, занятого только собой,— дурачась, может разыграть партнеров перед съемкой, легок в общении, контактен...

Режиссеры, в фильмах которых он сыграл основных своих героев,— его сверстники, и можно предположить, что проблемы поколения, которые они пытаются осмыслить в собственных картинах, тревожат не только персонажей в исполнении актера Гостюхина, но и Владимира Гостюхина— человека. И все же из тридцати почти его экранных героев лишь некоторые позволяют судить о диапазоне Гостюхина-актера. И это говорится вовсе не в упрек исполнителю. Просто в остальных он старательно и убедительно изображает то, что предлагает ему очередной сценарий и чего добивается от него очередной режиссер. К сожалению, чаще в рамках апробированного другими стереотипа. Однако «вехи» уже расставлены актером в собственной биографии. Конечно же, это Рыбак из фильма Ларисы Шепитько «Восхождение», повторения которого— и по значительности фильма в целом и по психологизму обнажения души героя— Гостюхину вряд ли скоро доведется достичь. Наверное, это Кацуба («Старшина»), с человечностью его и праведностью— характер несколько даже неожиданный для привычного уже «гостюхинского»; «шлемоносец» Касьян Тимофеев из «Родника» и Иван Жаплов из «Случайных пассажиров», как бы очертившие этот самый «гостюхинский» тип. И, конечно, отец из короткометражного «Живого среза», с опаленной его душой и бессильными рыданиями над собственной оправданной неправотой... Человеческая ценность, подлинная и мнимая, интеллигентность, настоящая и придуманная, внутреннее достоинство и угодничество, доброта, отзывчивость и понимание собственного предназначения на земле— работа Гостюхина каждую из вышеназванных картин выводит за рамки единичной истории и частный случай их сюжета, поднимает до уровня художественного обобщения.

...Вряд ли даже самые ревностные поклонники Центрального академического театра Советской Армии, в котором Гостюхин проработал почти шесть лет,

припомнят теперь его санитаря в «Странствиях Билли-пелигрима» или Бориса в «Каждом осеннем вечере». С некоторым удивлением обнаружил, роаясь в старых программках театра, что мне довелось видеть Гостюхина на сцене в роли старшины Бокарева в «Неизвестном солдате»... Но дело-то в том, что Гостюхин— актер по обозначенной в его дипломе профессии— эти шесть лет в театре проработал... мебельщиком. Или, проще говоря, устанавливал декорации.

— Отслужил после института в армии, а в театр никак не мог пробиться. На должность мебельщика ЦАТСА взяли по договоренности, уверяли, что, как только будет вакансия, переведут в труппу. Конечно, какая-то доля невезения в показах была, хотя потом, уже работая в театре, не раз убеждался, что система показов по сути своей формальна. В театре вдруг появлялись новые лица, а мне шесть лет говорили, что мест в труппе нет. Обстоятельства складывались явно не в мою пользу. И я ничем не мог себе помочь, кроме как терпеливо вкалывать в мебельном цехе. Потому и к участию в первых моих картинах, подобных «Великому голодранцу» или «Моей судьбе», отношусь... никак. В те дни рад был любой актерской работе. Бокарева сыграл практически с двух репети-

ций. И смог это сделать только благодаря самостоятельной работе. Приходил домой и один на один с собой «проигрывал» весь спектакль. Подобная «самостоятельная» работа с такими же горемыками-артистами, как я, дала мне, может, даже больше, чем обучение в ГИТИСе...

В кино он дебютировал неудачно. Первые появления не выявили в новом обитателе экрана ни той самой «яркой внешней фактуры», ни личностной значительности, от которых потом, как круги по воде, пошли бы варианты «исконной темы исполнителя». Впрочем, в последнее время понятие «дебют» словно бы сместилось в собственно этимологическом смысле и стало означать уже не вообще «начало, первое выступление» на каком-либо поприще, а первое заметное, резонансом отозвавшееся появление в искусстве. И если расценивать экранный дебют Гостюхина теми давешними категориями, то доставшаяся ему в телевизионном фильме М. Хуциева «Был месяц май» небольшая роль то ли ординарца, то ли вестового при начальнике дивизионной разведки, прошла незамеченной для зрителя. Да и для самого актера фильм остался памятен, пожалуй, лишь возможностью поработать с Хуциевым. Хотя у его героя в отличие от других столь же юных и хмельных от

сам черт был бы не страшен. И Владимир Гостюхин предъявил нам ожесточенную убедительность деградации своего Рыбака.

— Работа с Ларисой Шепитько была, если можно так выразиться, настоящим творческим вдохновением. И по сей день она остается для меня самым близким режиссером-авторитетом. Я в нее поверил как-то сразу, отдался работе без оглядки... Наверное, потому, что это была моя первая такая крупная работа, я не допускал мысли, что она не состоится. Верил, что так же думает и Лариса... Она очень переживала, получится ли все у нас с Борисом. И как же бывала счастлива, когда мы достигали успеха! Труднее и счастливее работы у меня потом, конечно же, не было...

А дальше потекла нормальная биография актера, которого приглашают на роль уже не по типовому соответствию необходимого фильму «положительного» или «отрицательного персонажа», а как конкретного актера Владимира Гостюхина, возможности которого известны, но не исчерпаны. И потому у любого режиссера может возникнуть вопрос: «А почему бы и не Гостюхин в этой роли?!» Как возник он, наверное, у режиссера Михаила Ордовского, снимавшего свой первый полнометражный фильм — «Случайные пас-

рабоспособности, самоотверженном отношении к профессии. Голоса их теплели и даже ласковели: «Это счастье, когда встречаешь актера, способного воплотить то, о чем ты только пытаешься «мычать»... Я считаю, что судьба преподнесла мне большой подарок... Володя — мое второе «я». Он артист уникальный и, на мой взгляд, далеко еще не раскрытый. Мы, например, совсем еще не знаем Гостюхина, который прекрасно молчит на экране. А это бесценное и редкое качество артиста... На мой взгляд, он нарушил бы стереотип подбора на чеховских или тургеневских героев... Гостюхин — актер максимальной правды жизни в образе! Он работает над характерами своих героев самозабвенно, не надеясь, что «вывезут» режиссер, оператор, монтажер... Он даже из экспедиции старается не отлучаться, чтобы не «расплескать» нажитого душевного состояния героя... Если бы меня спросили, что самое ценное в личности Гостюхина, я бы ответил так: талант, умноженный на труд, талант, умноженный на человеческую порядочность, талант, умноженный на скромность!»

...После премьеры «Восхождения» его перевели в актерский штат ЦАТСа. Через год он ушел из театра и стал (есть такая категория) «актером на договорах». Появилась возможность более творческой, хотя не более «безопасной» жизни:

— Существование «свободного художника» в чем-то обладает преимуществом, а в чем-то большой сложностью: сегодня ты позарез нужен и телефон раскаляется от звонков, а завтра... Приглашал в эти годы БДТ в Ленинград, но, измотанный съемками, не готов был к серьезному вхождению в сложную и маститую труппу. Жалею, что «любовь» не состоялась, — исключительно по моей вине... Вообще хотелось бы попробовать себя во вновь организованном коллективе, войти в новый, живой организм... Желание это могло реализоваться в минском театре киноактера...

Главные роли примерно в трех фильмах в год — на театр у него почти не остается времени. И все-таки он сыграл на сцене в Минске Василия Губанова в инсценировке «Коммуниста» Евгения Габриловича. Правда, главный режиссер театра леплет надежду, что наступит день, когда Гостюхин сможет принадлежать не только съемочной площадке, но и театральным подмосткам: «Вот тогда-то мы и приступим к репетициям «Макбета»!»

Сегодня он имеет право выбирать. И даже может позволить себе попытаться сломить сложившееся о его возможностях и диапазоне представление: «Если бы узнал, что есть в запуске моя картина, на материале современном, злободневном, обязательно бы предложил себя. Хотя, впрочем, убедить кого-либо дать мне роль, в которой меня «не видят», пока не удавалось».

Его «пробуют» не только в разных характерах, но и в разных жанрах. Так, если режиссеру фильма «Родник» (по «Усвятским шлемоносцам» Евгения Носова) «увиделся» в нем курский крестьянин: мягкий, спокойный, в чем-то даже простодушный, в первоизданной чистоте которого ощутима не только наивность, но и земная надежность, то диспетчер Бойчук в «Магистрале» — поистине олицетворение взвинченной издерганности, затаянного, если можно так сказать, душевного стресса... В научно-фантастической «Лунной радуге» он вдруг оказался американским астронавтом примерно XXIII века, а в спортивной драме «Такая жесткая игра хоккей» его капитан команды — ветеран, взбунтовавшийся против нового тренера...

Конечно, он актер не безграничного дарования. Но даже в рамках амплуа, самой природой ему обозначенного: фактуры, темперамента и, как следствие, интереса к уже заявленному им герою, Гостюхин может долго и плодотворно работать. Только бы не покидала его требовательность к себе. Ведь название его главного фильма «Восхождение» объясняет!

Я не ставил перед собой цели «фундаментально» исследовать творчество актера Гостюхина, а лишь попытался рассказать о человеке, вступившем на коварную и переменчивую актерскую стезю. О сомнениях, радостях его и огорчениях... И витиеватом порой пути человека к себе:

— На отделении гидроскопических приборов Свердловского радиотехникума учился без особого желания — поступил, чтоб приобрести хоть какую-то специализацию. Ходил в «ударниках» в техникумской оркестре. В округе слыл «трудным»... Однажды случайно забрел на занятия драмкружка. Первые репетиции были для меня жутким наказанием, меня почти насильно заставляли. Мало того, в учебной части пригрозили снять со стипендии... После «премьеры» коллектив благополучно распался. А я неожиданно почувствовал, что без «сцены» мне чего-то не хватает. И начал искать другой коллектив. Нашел его в Доме культуры имени Свердлова с прекрасным человеком во главе, Ольгой Петровной Солдатовой, бывшей актрисой воронежского театра. Там и проводил все время. Запустил занятия в техникуме. Бросил его. Пошел в вечернюю школу. Работал электриком на стадионе. А спустя два года поступил в ГИТИС. Отсюда все и пошло...

КАСЬЯН ТИМОФЕЕВ («РОДНИК»).

КАШУБА («СТАРШИНА»).

ИВАН ЖАЙЛОВ («СЛУЧАЙНЫЕ ПАССАЖИРЫ»).

ПАВЕЛ БОБОРЫКИН («ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ»).

счастья лейтенантов — война окончена, и они живы, и вся жизнь впереди! — есть фамилия Нырклов и даже несколько слов.

Последовавшие за этой роли вторая и третья, увы, были заурядно типовыми и сами собой стирались из памяти, не вселив ни в зрителей, ни в исполнителя радужных надежд.

Вот тут и подошло время «дебюта» истинного. «Восхождение» стало точкой отсчета актерской судьбы Владимира Гостюхина. Трудность — и невероятная! — состояла в том, что Рыбака актеру нельзя было изначально предъявлять как «отрицательный персонаж», нельзя было однозначно показывать его подонком, изначально готовым предать... Нужно было прожить правду медленного, но неуклонного и закономерного движения Николая Рыбака к той виселице, у которой он, все еще на что-то надеясь, поддержит под Сотниковым чурбан. Нужно было показать истину отчаяния его и раскаяния, когда он лихорадочно, захлебываясь от презрения к самому себе, перекинет ремень от собственных штанов через перекладину, да так и не сумеет повеситься... Так и останется жить, чтоб казнить за физическую свою мощь и полное духовное ничтожество... Нужно было сыграть роль, после которой, как говорится, актеру и

сажирь». И тогда актеру довелось сыграть как бы судьбу-перевертыш того самого Рыбака, что стал для него ролью-знаком, — матерый шоферюга, угрюмый и рискованный, вдруг оказывается почти беззащитным перед горестями детей-сирот, тех самых пассажиров, за жизни которых он волею случая и становится ответственным.

В «Случайных пассажирах» Гостюхин принят маленькими «партнерами» безоговорочно, как «свой», равный — в его Иване есть доброта, которую невозможно «изобразить», с ребятами он искренен без фальши. И досконально актерски убедителен в шоферских повадках, в том, как натурально «обжита» им машина...

Собирая материал для очерка, я обратился к авторам фильмов, с которыми Гостюхина довелось работать. Кто-то уезжал в киноэкспедицию, кому-то завтра предстояло сдавать ответственной комиссии очередной свой фильм. Но слова «Володя Гостюхин» поистине магически освобождали их от сиюминутной занятости. Кто-то даже особо оговорил, что если бы речь шла не о Володе, он отказался бы от встречи. Александр Миндадзе и Вадим Абдрашитов, Николай Кошелев и Валерий Лонской, Аркадий Сиренко и Михаил Пташук... говорили о необыкновенной его

КАК НАЧИНАЛИСЬ

ВАЛЬС и ТАНГО

Среди писем музыкального клуба «Смены» много таких, где повторяется просьба: «Расскажите историю популярных танцев разных эпох». Вот, например, одно из писем. Мы его получили от группы школьников из Барнаула. «Дорогая «Смена»! Когда мы встречаемся на наших вечерах и танцуем, то нередко слышим от старших: «До чего же нелепы ваши танцы! Вот в наше время...» И начинается разговор — чаще всего о вальсе. Мы считаем, что у каждого времени свои танцы. Но вот вальс... Мы ведь его тоже охотно танцуем. Объясните, в чем секрет этого удивительного танца, который нравился нашим бабушкам и нравится нам».

Выполняем вашу просьбу, ребята. Сегодня вы прочтете о двух из числа самых известных и популярных танцев — о вальсе и танго.

О вальсе говорят, что он не подвластен времени и не подвержен капризам моды. Действительно, с тех пор, как в начале XIX столетия вальс распространился по всей Европе, ему сопутствует неизменная популярность. В первые десятилетия XX столетия с вальсом стал мериться славой другой из широко известных ныне балльных танцев — танго, завезенное в Европу из Южной Америки. Живучесть, стойкость этих двух танцев поразительны: не раз менялась мода, не раз возникали конкуренты, но если «долгожителям» и приходилось порой уступать модным соперникам «авансцену», то в итоге они все же оставались непобежденными.

Вальс и танго — танцы очень разные, к тому же между периодами наибольшего начального их распространения пролегло почти целое столетие, но в судьбе этих танцев, в том, как трудно складывались их первые шаги в Европе, есть и нечто схожее.

«В Берлине мода на вальс и только на вальс», — писал один из современников в 1791 году. Модный танец сравнительно быстро пересек границы ряда европейских стран. Однако на балы Европы вальс был допущен не без противоборства.

Настороженное отношение к новому танцу наблюдалось еще на первых его стартах. Сошлось на роман Гете «Страдания юного Вертера», впервые изданный в Германии в 1774 году. Есть в этом романе эпизод, связанный с «балльным павильоном». Молодежь танцует там и вальс, но для него особое условие. «Тут у нас принято, чтобы дама танцевала вальс со своим постоянным кавалером», — говорит Лотта юному герою. Что скрывается за этим условием? И почему так смущен Вертер после тура вальса? Рассказывая об этом другу, он не скрывает восхищения («...держать в своих объятиях пре-

лестнейшую девушку, точно вихрь носиться с ней, ничего не видя вокруг...»), но вместе с тем клянется, что никогда не позволит своей любимой, своей невесте, вальсировать с другим мужчиной.

Пройдет совсем немного времени, вальс появится в Париже, и один из французских писателей будет зло иронизировать: «Я понимаю, почему матери любят вальс, но как они разрешают танцевать его своим дочерям?»

Чем объяснить такое отношение к вальсу?

Не забывайте, читатель, что речь идет о второй половине XVIII столетия! Вальс был тогда еще новинкой, и новинка эта разрушала привычные представления об эстетике салонного танца. Демократический по своему характеру, вальс своей непринужденностью, естественностью движений и стремительностью резко контрастировал медлительным «этикетным» танцам старого времени с их бесконечными поклонами и реверансами — чопорными и жеманными.

Неудивительно, что вокруг вальса разгорелись споры. Одни встречали его с восторгом, другие — с негодованием. Неприязнь к модному танцу сохранялась на первых порах во многих странах, но повсюду среди приверженцев вальса было много молодежи.

В «благородных» собраниях мнимые недостатки вальса относили на счет его «низкого» происхождения. Что известно о родословной вальса? Исследователи утверждают, что предшественником его был народный крестьянский танец «лендлер», бытовавший в некоторых приграничных областях Южной Германии и Австрии. Среди хореографов существует иное мнение, они находят прямую связь вальса со старинным провансальским танцем «вольта». Однако противников вальса и такое родство не могло бы порадовать, ибо в свое время по настоянию кардинала Ришелье «вольта» была запрещена Людовиком XIII: в веселом провансальском танце усмотрели угрозу «подрыва общественных и религиозных устоев».

Нечто подобное произошло в России в годы царствования Павла I (1796—1801), когда вальс «высочайшим» повелением был запрещен в танцевальных собраниях. Как свидетельствовал дореволюционный жур-

Рисунок Игоря СУСЛОВА

Нелегко стать популярным в Венгрии. В стране, где, как с усадебной уверенностью утверждают социологи, каждый второй — музыкант, а каждый третий — певец. На концерты симфонического оркестра Государственной оперы под управлением Яноша Ференчика так же сложно достать билеты, как и на выступления популярных певиц Жужи Коци и Юдет Сюк, ансамблей «Омега», «Локомотив ГТ», «Неотон» или «Хунгария». Не является исключением и «долгожительница» венгерской эстрады Кати Ковач. Почти два десятилетия звучит со сцены ее голос. Не спадает, наоборот, увеличивается количество приглашений посетить с концертами ту или иную страну. Тринадцать долготрающих пластинок и свыше восьмидесяти маленьких, не считая песен в альбомах, — такому «собранию сочинений» можно позавидовать. При этом как не вспомнить о работе Кати в театре и кино...

В чем же секрет успеха? Сама она на этот вопрос отвечает словами парижского шансонье Жильбера Беко: «Успех в мире музыки не всегда зависит от следования капризам моды». Который уже год подряд для поездки в нашу страну Кати выбирает один и тот же месяц — март. «Сложилась такая традиция, что ли, первыми зарубежными зрителями концертной программы нового сезона становятся советские люди. Их реакция словно сверхчувствительный барометр, сию «показания» которого в успехе песни можно не сомневаться», — говорит певица. — Нынешний год в этом плане особенный. — продолжает она. — В мире неспокойно, и оставаться в стороне мы, артисты, просто не имеем права. Ведь песни всегда остаются оружием в борьбе за мир, справедливость, счастье людей».

...В 1965 году Кати Ковач получила приз лучшей киноактрисы года. Перед этим простая, искренняя, открытая в жизни и на сцене девушка попала в «поле зрения» режиссера Ференца Кардоша. Победительница престижного конкурса венгерского телевидения «Кто что умеет» получила роль в фильме «Праздничные дни». Дальше последовали работы в кино с Миклошем Яно, Мартой Месарош. Шесть главных ролей в активе певицы. А может, правильнее сказать — киноактрисы? «Увы», — говорит Кати, — с кинематографом я рассталась, так как надлежало сделать выбор в пользу чего-то одного. Меня никогда не прельщала перспектива стать одной из изощренных актрис, которые так популярны сейчас. Не правда ли, человек только тогда достигает вершин в своем творчестве, когда сосредоточивается на одном, не распыляется. Лично мне ближе эстрада».

Велик соблазн для певицы испытать себя в разных жанрах. Удастся это далеко не каждому.

Кати КОВАЧ:

«САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ МЕСЯЦ»

нал «Театр и искусство», «усердно стали у нас вальсировать лишь при Александре I, допустившем этот невинный танец даже на придворных балах».

«Усердное» вальсирование подтверждают и литературные примеры. Вспомним «Войну и мир», первый бал Наташи Ростовой, где князь Андрей танцует с нею вальс. Л. Н. Толстой точно датирует этот бал в доме знатного вельможи: 31 декабря, накануне нового, 1810 года. Вспомним «Евгения Онегина», откроем пятую главу романа, отыщем в ней «веселый праздник именин» в доме Лариных, тот момент, когда уж «бал блестит во всей красе»:

*Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой...*

В примечаниях к «Евгению Онегину» А. С. Пушкин указал: «...в нашем романе время расчислено по календарю». Это позволило исследователям установить время действия каждой главы и даты основных событий романа. «Праздник именин» в доме Лариных состоялся в Татьянин день — 12 января 1821 года. Стало быть, к этому времени вальс стал уже вполне привычным.

Постепенно новый танец сделался предметом повального увлечения, хотя рецидивы неприязни к нему еще давали о себе знать. Так, изданные в Харькове в 1825 году «Правила для благородных общественных танцев» требовали от молодежи «надлежащей осторожности» с вальсом. Какой именно? «Чтобы танцевали не слишком близок друг к другу, что оскорбляло бы приличию». Более того, автор этих правил, «учитель танцевания» Л. Петровский писал: «Предоставляю суждению читателя, соответствует ли [вальс] благородному собранию или какому другому».

Но то были напрасные опасения и запоздалые сомнения. Вопреки всему вальс уверенно пробивал себе дорогу и завоевывал все большую популярность.

Наибольший расцвет вальса начался в 30-е годы XIX столетия. Он был связан с Веной, с творчеством Йозефа Ланнера (1801—1843) и Иоганна Штрауса-отца (1804—1849), которые создали новый тип вальса — так называемый венский вальс. Блестящую страницу в историю вальса вписал Иоганн Штраус-сын (1825—1899), прозванный «королем вальса». Именно ему принадлежат известные всему миру вальсы «Сказки Венского леса» и «На прекрасном голубом Дунае».

Танго, по выражению одного из аргентинских поэтов, — это «грустная

мысль, которая танцует». В рабочих предместьях Буэнос-Айреса, где в конце прошлого века родился этот танец, было немало поводов для грустных мыслей. Наряду с танцем возникла тогда и самостоятельная форма танго-песни, в которой находили свое выражение чувства обитателей городских окраин: любовь, страдания, мечты. Были среди песен в ритме танго и такие, что в наши дни определяются как песни протеста и гнева.

Существуют две версии появления аргентинского танца в Европе. По одной — танго появилось в Париже в 1909 году в числе конкурсных танцев на традиционном соревновании, проводившемся газетой «Эксельси». По другой — музыка и хореография танго были привезены в Париж одним из аргентинских композиторов в 1910 году. Обе версии сходятся, однако, в том, что до «запуска» на европейскую орбиту танец был усовершенствован в Париже. Конечно, при этом музыка и хореография претерпели некоторые изменения; в частности, движения танца стали более поступательными, тогда как для аргентинского танго было характерно очень ограниченное продвижение. Авторами «реконструкции» называли группу артистов, художников и музыкантов, которую возглавлял французский хореограф Камиль де Риналь.

Так или иначе, но европейский период «биографии» танго начался на рубеже второго десятилетия нынешнего века. Танец получил в Париже известность и в дальнейшем нередко именовался «парижским танго», приобрел очень много поклонников. Однако распространение его как во Франции, так и в других европейских странах натолкнулось на серьезное противодействие.

Против танго выступил глава римско-католической церкви папа Пий X. Французские епископы обратились к своей пастве с посланиями, грозящими «дьявольский» танец и призывающими верующих «не поддаваться соблазну». Кайзер Вильгельм II назвал танго «оскорблением морали и нравственности» и запретил немецким офицерам танцевать его. Русский министр народного просвещения Л. А. Кассо разослал попечителям учебных округов циркуляр, в котором указал на «явно непристойный характер танго» и потребовал принять «строгие меры к тому, чтобы означен-

Когда началось повальное увлечение стилем, определяемым как «новая волна», многие, оставшиеся долгие в топе старожилы эстрады бросились сломя голову к новому танцу за молодежью. Когда у нас с Катей зашел об этом разговор, она только улыбнулась в ответ на вопрос по поводу «новой волны». «Я, честно сказать, не встречала ни одного человека, который с достаточной ясностью мог сказать: «Мне понятна «новая волна». В Венгрии этому стило следуют многие, но никто не представляет четко, в чем главный смысл их увлечения. В «волнах» такого рода постепенно растворяется национальная традиция, рождается эдакое «музыкальное эсперанто», где слова уступают место ритму».

В новой программе Катя Ковач, которая вскоре станет новой пластинкой, — положенные на музыку стихи современных венгерских поэтов. В них самая широкая, многообразная гамма чувств. Кроме одной — сентиментальности. И уже нишу специально для нее.

«Я исполню, как вы могли заметить, тонационно усложненные произведения — они для подготовленных слушателей, которые всегда присутствуют в зале. Что же касается части так называемых «неподготовленных», то стараясь воспитать их тут же. Есть такое понятие: эффект коллективного восприятия. Свойство хорошего вкуса таково, что если оно имеется пусть даже у небольшого числа людей, то на протяжении вечера обязательно постепенно передается другим», — считает певица.

Выступая недавно в Бельгии, Катя Ковач дала несколько незапланированных концертов. Больше всего запомнилась ей встреча в Брюсселе с молодыми активистами антивоенного движения — студентами и рабочими, объединившимися для ведения кампании протеста против размещения в странах Европы американского ракетного оружия первого удара. Парни и девушки благодарили за песни, расспрашивали о жизни своих сверстников в Венгрии, ведь не часто приходится встречаться с артистом из социалистической страны.

И все же самым памятным выступлением для Катя Ковач остаются два. В Советском Союзе несколько лет назад она пела в сопровождении «настоящего» симфонического оркестра. До этого, — признается певица, — приходилось работать с оркестром Ласло Толчая, известного далеко за пределами Венгрии ансамблем «Фонограф». «V — Мотор» — «Универсал». Однако пение под настоящий смычковый вызывает истинное удовольствие. А два года назад осуществилась ее мечта Катя пела на сцене будапештского концертного зала «Вигадо», той самой сцене, где когда-то играл фортепиано Ференц Лист...

Владимир МИШИН

ДИСКУССИЯ КЛУБА: «ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?»

Нелегко этот «легкий» жанр — песня. Смысловая наполненность текстов, шлягеры-однодневки и песни-долгожители, бесконечное количество мелькающих стилей и неисчерпаемая сокровищница фольклора — вот отнюдь не полный круг вопросов, которые возникают в дискуссиях о песне в последнее время.

Песню создают композитор, поэт-песенник, певец — причем, даже малейший промах каждого из ее создателей невосполним: ведь песня, как и художественное слово, уходит к людям, строго оценивается по очень точной и при этом стихийно сложившейся шкале: «поется — не поется», а значит, «живет — не живет».

В четвертом номере нашего журнала за этот год, в музыкальном клубе был опубликован диалог поэта Владимира Лазарева и критика Евгения Осетрова «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?». Диалог, касающийся насущных проблем песенной поэзии, качества современной песни, вызвал живые отклики наших читателей. Некоторые из них мы печатаем в этом выпуске Клуба.

Продолжаем дискуссию. Ждем ваших писем!

Александр ВОРОШИЛО,
солист ГАБТа, народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР и премии
Ленинского комсомола

«Не всякое слово поётся...»

Вернуть песне мелодию и смысл — об этой проблеме я тоже думаю и потому с большой готовностью согласился принять участие в дискуссии. Для меня и моих коллег, актеров Большого театра, это болевая, злободневная тема.

Мне показалось, что застрельщики дискуссии Е. Осетров и В. Лазарев справедливо возмущены явлением так называемого «маскульта» и опасаются проникновения на эстраду пошлости, бездуховности. Кроме того, нужно помнить, какой заряд безыдейности, антигражданственности несет в себе это грозное явление, отравляя сознание нашей молодежи.

Да, низкопробная музыка чаще всего рождается из-за коммерческих интересов... самих музыкантов! Нельзя пенять лишь на публику: она поет то, что ей предлагают.

Посчитайте, сколько открыто ресторанов и кафе в больших и малых городах. Именно рестораны — рассадники пошлой музыки. Даже талантливый композитор считает сейчас для себя престижным и выгодным, если его песня попадет в программу ресторанного репертуара. Песенка, написанная подходчивее, на широкую публику, становится подходящее для авторов — такой вот жестокий каламбур.

Из ресторанов шлягер выплескивается в концертный репертуар, на пластинки, кассеты, на многочисленные стадионы. Мы вынуждены слушать одну и ту же дурачную песню в Москве и на Сахалине, в Мурманске и Алма-Ате, в самолетах, поездах, гостиницах. Стандартизация музыки, архитектуры, моды несет опасность стандартизации вкуса, мышления в массовом масштабе. Я знаю певцов ВИА, которые тщательно продумывают свой концертный «костюм», чтобы быть сугубо модными: кроссовки, разрисованные зарубежной символикой майки и куртки — лишь бы быть «в струе» требований широкой публики. Что это — от собственного скупого воображения или от неуверенности в своем таланте?

Был я на концерте прибалтийского ансамбля «Радар». Подчас публика ждала, пока установят гигантскую, трехэтажную аппаратуру. Сидел и думал: какой же многорукий Шива будет играть на этих инструментах, какой выдающийся музыкант? Но всего-то на полпроцента была использована в концерте могучая установка. Значит, все это для зрелищности, для вида, для разговоров обывателей. Мол, у «Бони М» шестнадцатитонная аппаратура, а у Элтона Джона — в сорок тонн, вот это да!

После концерта публика уносит не мелодию, не праздник души, не о профессиональной трактовке музыки идет речь, к сожалению. Я люблю хорошую эстрадную музыку, у меня много отечественных и зарубежных записей; на концерт ВИА иду, чтобы услышать или понять новое. А у многих ансамблей только и различия — цвет костюмов у исполнителей да освещение. Отталкивает исполнительская манера певцов, однообразная и противояственная: высокие, визгливые ноты, надрынные эмоции. Почему потеряно мужское начало, нужна ли такая феминизация? В музыке исчезла гармония, оркестре гремит, оглушает — хоть зубы выдирай. Это буквально так: в США в зубных кабинетах пациентам надевают наушники с музыкальной высокой мощностью, человек впадает в прострацию и не чувствует зубной боли: вместо анестезии его бьет звуком по психике.

О вкусах не спорят, но верно и то, что вкус диктует манеру поведения, образ мыслей, даже образ жизни. В редакции «Смены» мне дали читательское письмо. Видимо, его написал подросток; письмо, к сожалению, анонимное, да это и понятно: автор при всей своей гротескной активности — личность подавленная, зависимая и трусливая. Прощитрую кусочек «исповеди»:

«Я, как и мои друзья, болел музыкальной. У нас страсть — тяжелый рок, и нас зовут «тяжелыми ребятами». Другая группа увлекается поп- и диско-музыкой, и мы их называем «гундосьими».

Если кто критикует нашу музыку, меня охватывает дикая ярость, я лезу в спор, иногда даже в драку. Мы живем от воскресенья до воскресенья, когда на толкучке меняем диски. Нас боятся девушки, они говорят, что мы какие-то маньяки, сумасшедшие. От меня ушла моя девушка, но я заглушила память о ней хард-музыкой. Извините, что пишу неразборчивыми буквами, плохим почерком: я уже отвык писать нашими буквами. У меня множество каталогов, там все написано английскими буквами».

Разве это письмо не SOS для нас, не поле битвы за молодежь? Сфера воздействия западной идеологии на вкусы и умы молодежи, охота за душами советских парней и девчат получила за последние годы довольно широкий размах, а мы, старшее поколение, порой теряем собственную зоркость и бдительность. Забываем, как разнообразны, приспособляемы формы враждебной идеологии.

Музыка — могучее средство воздействия на ум и сердце человека, особенно человека молодого, с повышенной впечатлительностью, восприимчивостью. Музыка несет в себе огромный эмоциональный и социальный заряд. Всякая музыка идейна, особенно безыдейная — именно она растлевает сознание и душу подростка. Конечно, не все идет впрямую в воздействие искусства на человека, но все взаимосвязано в этом контакте. Например, песня

«Священная война» по влиянию может быть приравнена к плакату «Родина-мать зовет», однако лирическая песня «Синий платочек» для солдата обладала не меньшей силой.

Мы не можем жить старым багажом; прогресс науки и техники, эпоха НТР диктуют новые темпы жизни, новые ритмы в музыке. Массовая культура для нас — та, что идет в широкие народные массы, именно поэтому она должна быть высокоидейна, духовна, гармонична и чиста. Шлягер — популярная, распространенная песня; с тем большей требовательностью следует относиться к ней. Насытить песню гармоничным ладом, снабдить выразительным добрым словом — вот задача композитора и поэта. А задача средств массовой пропаганды и информации — обеспечить широкую рекламу лишь той продукции, которая отвечает требованиям высокой идейности и безупречного вкуса. Закономерен успех наших композиторов-песенников: Пахмутовой, Тухманова, Колмановского, Шаинского, чья слава — прямое продолжение славы предыдущего поколения музыкантов: Дунаевского, Фрадкина, Соловьева-Седого, Блантера. Мне нравятся песни Ю. Антонова, есть прекрасные, очень своеобразные песни у А. Пугачевой; не нуждаются в комплиментах артисты песенного жанра Йоала, Лещенко, Лентьев; наши ансамбли «Песняры», «Горизонт» отвечают уровню мировых ансамблей. Справедливо оценивают

современную песню читатели «Смены», присылающие письма в адрес клуба «Музыка с тобой».

Вот письмо от читательницы «Смены» Инны Малафеевой из села Ватажное Астраханской области: «В исполнении Софии Ротару я услышала песню, слова которой запомнились мне:

*«Вставайте, вставайте, вставайте,
Молчать нам сегодня нельзя!
Вставайте, вставайте, вставайте,
В опасности наша Земля!»*

Тревожно-набатные слова как нельзя более соответствуют сегодняшнему положению в мире. Да, нельзя нам сегодня молчать! Надо защитить нашу землю от ядерной войны!»

Если в душе человека рождаются такие достойные желания, если чувства выражаются словами искренними и значительными, значит, искусство «сработало» точно в цель. Музыка песни отозвалась музыкой сердца, слово песни породило ответное слово слушателя. Мы недаром говорим, что песня — наше оружие.

Оно защищает человека от черствости, равнодушия, эгоизма; борется за человека счастливого, умеющего любить Родину, друзей, жизнь.

Для меня, для моих слушателей, я знаю, концерт — всегда праздник, очещение; восприятие идет от сопереживания с создателем и исполнителем музыки. Сотворчество с Чайковским, например, это ли не воспитание души, не радость откровения?

Владимир КОСКИН,

сотрудник Уманского городского Дома культуры,
секретарь комсомольской организации г. Умань Черкасской обл.

Почему процветает безвкусица

Требовательность к музыке! Продукция современной музыкальной «индустрии» не может быть усвоена без нашей глубоко личной, но обязательно компетентной оценки. Но откуда ей быть, если мы сами во многом воспитанники продукции современной музыкальной «индустрии»?..

Давайте попробуем порассуждать...

Что за песенный поток нам предлагают композиторы и исполнители? Сладкие стелания по поводу несостоявшейся или состоявшейся любви. И зачастую полное отсутствие сколь-нибудь значимого общественного содержания! Если добавить к этому, что мелодический рисунок, как правило, маловыразителен, то получается, что все содержание сводится к одному лишь ритмическому «забою». И этот грохот отнюдь не безобидное явление! Имеются совершенно достоверные научные данные о том, что повышенная громкость исполнения песен ведет к утрате слушателями значительной части тонкой информации, которую до того хранил их мозг.

Разрушение содержательности песен, превращение текста лишь в гарнир к танцевальной музыке — главная беда эстрадной песни.

Я давно занимаюсь коллекционированием пластинок. Во время прослушивания некоторых песен просто оторопь берет. И этих «некоторых» песен слишком много. Вот, например, очередной гигант ансамбля «Лейся, песня». О чем поют? Судя по

названиям песен, здесь мы имеем дело со сплошной сказочной мифологией: «Гадалка», «Кентавры», «Ведьма-речка», «Сивка-бурка»... А вот и песня, давшая общее заглавие пластинке:

*Был древний мир на наш похож не очень,
И даже круглой не была Земля,
А просто три кита тогда сквозь дни и ночи
Куда-то Землю плоскую везли.*

Припев вообще «гениальный»:

*Нравится такая мне планета, нравится
И песни петь об этом нравится,
Танцуй весело с тобой.*

Уму непостижимо, как такое можно сочинять и петь. По-моему, здесь имеют место авторская неприципиальность и невзыскательность.

Хорошо, что у нас есть Д. Тухманов, М. Таривердиев, часто тяготеющие к высокой поэзии. Нельзя не вспомнить «Ариэль» и последнюю их антивоенную рок-сюиту «Утро планеты» — музыка А. Морозова. Весьма интересно и плодотворно работает Алексей Рыбников: талантливая музыка плюс истинная поэзия (Пабло Неруда — «Звезда и Смерть Хоакина Мурьель»; Андрей Вознесенский — «Юнона» и «Авось») — вещи настоящего, не сиюминутного успеха. Явлением на эстраде был и остается Булат Окуджава.

Ностальгия по настоящему поэтическому сло-

ву — вот что мучает современного слушателя музыки.

Полагать, что в легкой музыке могут быть скидки на бездумность, нельзя. Требования должны быть высокие, как к песне развлекательной, так и к песне гражданской. У любого человека, когда он слышит песню, даже если танцует под нее, текст отпечатывается в сознании. Поэзия нужна. Настоящая!

«Что поют?» — проблема огромной общественной значимости. Ситуация, при которой значительная часть моих сверстников и ребят помоложе способны под музыку лишь «балдеть» и вместе с тем не помнить, не знать слов ни одной достойной песни, — это весьма тревожная ситуация, о которой надо говорить в полный голос. Пустую по содержанию песню запретом не изгонишь. Важно противопоставить ей песню, опирающуюся на лучшие традиции народной культуры. Но не слепо копируя старые образцы, а творчески трансформируя их, как это делают, например, «Песняры», как делают это лучшие из наших современных композиторов и самодельных авторов.

Мне больно видеть на проводимых мною дискотеках ребят и девчонок, у которых начисто атрофировался музыкальный вкус (речь, конечно, не о всех), они почти агрессивно воспринимаят, например, романсы на стихи А. С. Пушкина о любви. А вдруг эти парни и девчонки уже не могут любить — закрадывается сомнение...

Как начинались вальс и танго

со стр. 12

ный танец не преподавался в учебных заведениях..., а равно, чтобы ученики как мужских, так и женских учебных заведений не посещали танцклассов, в кои он преподавался».

Думается, что определенный повод для осуждения танго дали артисты варьете и мюзик-холлов, которые первыми освоили новый танец. Ведь именно по их исполнению и судили поначалу о танго в европейских столицах. Между тем исполнение это не отличалось строгостью стиля, и фривольности, которые позволяли себе

танцоры на эстраде, бросали тень на репутацию танца. Кроме того, определенную роль сыграла и родословная танго: танец, родившийся в предместьях Буэнос-Айреса, был для его санных противников танцем «низкого» происхождения.

Но остановить победное шествие танго по европейским столицам не удалось никому. Петербургская газета «Театр и жизнь» писала по этому поводу: «Танго обрело могучую поддержку в протестах Ватикана и некоторых монархов. Что может быть слаще запретного плода? Московская газета «Новости сезона», ссылаясь на лекции о танго, с которыми выступали во Франции почетные академики, утверждала: «Протесты католических епископов остаются без надлежащего воздействия даже там, где к их голосу привыкли прислушиваться...»

Наибольшего распространения на европейском континенте танго достигло в годы, предшествовавшие началу первой мировой войны. Не случайно фельетонист «Русского слова» Влас Дорошевич писал в январе 1914 года об «эпидемии, которая свирепствует в Европе и которая носит название танго».

«Танговое» поветрие не обошло стороной и Россию. В двух главных городах страны возникло много новых танцклассов, обучавших модному танцу. В обиходе получили распространение новые слова: тангомания, тангисты, тангировать. На петербургской сцене шла оперетта «Принцесса танго». В московском Политехническом музее состоялся диспут о танго. На витринах магазинов появились ткани цвета танго (оранжевый). Новая модель обуви, новый фасон шляпы, но-

вые духи — все рекламировалось под названием «Танго»...

«С каждым новым танцем в жизнь входит новый стиль, новая линия, — заметила одна из петербургских газет. — Так было с вальсом... То же самое происходит с танго».

Это было написано семьдесят лет назад. Но танго не потеряло популярности и поныне. Не так давно западногерманское информационное агентство ДПА передало из Буэнос-Айреса сообщение о вековом юбилее танго. Отметив, что и сегодня танго любят во многих европейских странах, агентство утверждало: «С ним может соперничать только один танец, тоже «долгожитель» — «вальс».

Самуил САМОЙЛОВ,
заслуженный работник
культуры РСФСР.

ОХОТНИКИ ЗА ДРОШЛАЕМ

Алюбопытно, любопытно, очень любопытно,— машинально проговорил полковник.— Ну, а как же тогда вещи? Кто их вытащил, разбросал? Не сама же вдова? Впрочем, давайте на время оставим Бируту Маркевиц в покое. Вернемся к бородачу. Он назвал Павлу три адреса. Придумать адреса двух женщин для отвода глаз нетрудно. В каждом городе полно молодых продавщиц, а скульпторша — о ней он, возможно, на пляже слышал, она наверняка многим тут знакома... А нужен ему третий адрес. Его бородач не знал, наводит справки лично не решался. Женщину, которая жила по этому адресу, можно было навестить только один раз.

Но зачем он туда пришел? Или за чем?
— Значит, вы все же исходите из предположения, что бородач у вдовы Маркевиц был?

— Уж очень удивительное совпадение! Вероятнее всего так: бородач пришел к Маркевиц, она открыла ему дверь сама, в силу каких-то причин наступает сердечный приступ, и она умирает прямо при бородаче. И тут он начинает что-то искать, естественно, переворачивая весь дом... Но что он искал? И нашел ли? Ответить на эти вопросы нам должны связи покойной. Срочно проверьте: кому она носила овощи? Что за люди? С кем она вела переписку? С каких пор стала нелюдими и скрытной? У нее есть сын, он наверняка придет на похороны матери. Поговорите с сыном. И не спускать глаз с бородача! Он должен себя проявить. Вы предъявили директору заповедника фотографии автомобилистов?

— Это намечено на завтра.
— Сделайте. Владельца вишневых «Жигулей» нашли?

— Мы узнали, где он в Вильнюсе работает.
— Оставьте мне данные. Я попрошу вильнюсских товарищей помочь нам с этим.

— Виталий Иннокентьевич, а как с операцией «Культработник»?

— Вы имеете в виду Павла?— Полковник на минуту задумался.— Пусть все остается как было. Вдруг бородач вздумает вернуться? Мы же о нем пока знаем очень мало.

19

Директор заповедника «Межаварты» в пакке предъявленных ему Савиным фотографий сразу узнал бородача. Хотя спрашивал о Розенберге парень с автомобильными ключами, по фотографии Константин Жбанов.

В этом ничего удивительного не было: бородач, не желая обращать на себя внимания, раздражил друга наскоро придуманной байкой о том, что у лесника можно хорошо порезвиться, и тот спросил о Розенберге. Но все же почему бородач не назвал эту фамилию сам? Скорее всего Розенберг был «законсервированным» агентом, к которому разрешалось обратиться лишь в крайнем случае и то со всяческими предосторожностями.

А разве тогда был крайний случай?

Да, если учесть, что Руйковича на месте не оказалось, а новых завязок бородач боялся и, может, обратился к Павлу Ивановичу только потому, что не мог «выйти» на лесника.

Зачем же все-таки бородачу Розенберг? Ему необходим адрес вдовы.

И, видимо, Розенберг знал этот адрес.

Если так, нужно быстрее найти лесника. Значит, все, что касалось Бируты Маркевиц, становилось очень важным.

Бывший партизан упомянул в своих показаниях Ионаса Гедравичуса, мальчика, который слышал, как гитлеровский офицер разговаривал с Розенбергом.

Ионас наверняка сможет что-то рассказать о Розенберге. Тогда мальчик остался жив. Сейчас ему должно быть где-то за сорок... Люди в Прибалтике очень привязаны к родным местам и покидают их только по крайней необходимости. И Алеша Лактионов начал поиски прямо с Янтарного. Перерыл весь городок, разыскивал «друга Ионаса, с которым не виделся много лет».

И нашел-таки!

Ионас Гедравичус заведовал в Янтарном Домом быта. Это был полный седоватый человек с неожиданно тонким голосом.

Он не удивился, когда в кабинете тот, кто только что представился секретарше «другом детства Ионаса», предъявил свое служебное удостоверение.

— Вы помните, Ионас Валентинович, что сказал немецкий офицер Розенбергу, когда мальчиков погрузили в машину, чтобы везти в лес на расстрел?

Лейтенант Лактионов нарочно составил фразу подлиннее. Пусть Гедравичус за это время соберется с мыслями и вспомнит. Так и вышло.

— Офицер сказал,— чуть помедлив, ответил Гедравичус,— «садись, Юрген, и показывай дорогу, где нет партизан».

— Он назвал Розенберга Юргеном?

— Да. По-немецки. А по-латышски это будет Юрис.

— Позвольте, почему именно по-латышски?

— А у Розенберга отец-то был ведь латыш! Мать немка, а отец латыш.

— Фамилию его отца вы не можете вспомнить?

— Я просто ее никогда не знал. Знал только, что отец тоже был лесник. А так — Розенберг и Розенберг... Мне тогда было всего девять лет.

Итак, Розенберг, которого звали Юрисом и настоящая фамилия которого латышская. Это уже кое-что!

Новые данные через майора Савина сообщили полковнику Сторожеву, и среди окрестных лесников начали искать Юрисов с латышской фамилией. Таких оказалось четверо. У одного из них — латышская фамилия Рожкалнс.

А Рожкалнс по-немецки и есть Розенберг.

Участок у этого лесника удаленный, лес частый, глухой. Даже удивительно, как в наше время, когда в прибалтийских лесах везде прорублены просеки, мог сохраниться такой медвежий угол.

Дом лесника оказался старым, замшелым, с подслеповатыми окнами.

Дверь была забита снаружи двумя досками крест-накрест.

Розенберг — Рожкалнс исчез.

В Вильнюсе по просьбе полковника Сторожева был допрошен Константин Иванович Жбанов, тридцати пяти лет, кандидат в члены КПСС, холост, токарь-лекальщик, заработок до четырехсот рублей в месяц. «Жигули» приобрел законным путем, на личные сбережения, до этого имел машину «Запорожец», которую продал через комиссионный магазин.

Секретарем парткома завода К. И. Жбанов характеризуется положительно. Хороший товарищ, активный общественник, токарное дело знает отлично. Допрошенный в качестве свидетеля, Жбанов показал:

— В Янтарном я провел конец отпуска, а точнее, последние десять дней. Из Вильнюса в Янтарное мы поехали вдвоем с другом. Тоже наш парень, в одном цехе работаем. Остановились мы в кемпинге, поскольку у нас машина. Первые дни погода была так себе, мы не купались, ходили по городу. Потеплело, мы стали ходить на пляж. Там познакомилась с девочками. Оказались наши, вильнюсские. Там же, на пляже, прибилась к нашей компании Виктор. Вместе купались, вместе в столовую ходили. У Виктора этого были деньги, он геолог, приехал с Тянь-Шаня в отпуск. Как-то разговорились о машине, ценах на бензин, и он предложил мне полсотни, мол, и он ездит и на него я бензин трачу. Я, конечно, отказался, зачем мне это. Виктор два раза попросил меня с ним съездить к

какому-то леснику, у которого можно хорошо провести время, в лесу, в тишине и полной свободе... Но лесника мы не нашли. Еще как-то Виктор захотел покататься по Янтарному. А городок-то! На все улицы двадцать минут хватило. Даже с остановкой — возле какого-то дома на окраине, Виктор попросил. Из машины не выехали, а он домик расхваливал; какая чистота, какой розарий, какие грядки ухоженные. И потом мы уехали. Девчата, которые дружили с нами, были очень порядочные, серьезные. Получилось так, что Виктор уезжал из Янтарного в тот же день, что и мы. Попросил подбросить его до станции, на поезд «Калининград — Рига». Я подбросил. Больше ничего показать не могу.

20

— Вы обратили внимание, Виталий Иннокентьевич, что бородач остановил машину у дома вдовы?— сказал майор Савин.

— Ну и что это означает, по-вашему, Александр Степанович?

— Это означает, что он собирался побывать в доме вдовы. Что он там был!

— Остановил машину, полюбился домиком — это еще не значит, что он собирался туда забираться ночью. Ну, а если даже забрался, допустим, не ночью, а в вечерний час, что из того? Замок он не ломал, дверь ему открыла хозяйка. Она испустила дух в его присутствии? Маркевич печально, но врачи утверждают, что Бирута Маркевиц давно страдала болезнью сердца... Он рылся в ее вещах? Рылся? В вещах? Позвольте! Как только он увидел, что она упала без чувств, то тут же убежал в страхе... А зачем он к ней приходил? За клубникой. Он очень любит клубнику с грядки. И специально покупает вечером, чтобы к завтраку ягоды были свеженькими.

Вы чувствуете, Александр Степанович, бородач шутя расправится с вопросами. Поэтому пока трогать его не будем. Нужно продолжать и продолжать разработку. Бородач сказал, что он геолог с Тянь-Шаня, приехал на Балтику в отпуск? Пошлем в Киргизию нашим товарищам телеграмму, попросим проверить.

И во Фрунзе полетела телеграмма: «Срочно сообщите, работает ли в какой-либо из геологических партий на Тянь-Шане Виктор Леонидович Серфик, 28 лет. Если работает, то где он сейчас?»

Через сутки пришел телеграфный ответ: «Серфик Виктор Леонидович работает в 12-й геологоразведочной экспедиции. В настоящее время находится в отпуске».

21

Гроб с телом вдовы Маркевиц установили в каплице — небольшой полутемной часовенке на кладбище. В каплицу входили люди, их было немного, клали на гроб цветы, о чем-то перешептывались, стояли, поглядывая в открытую дверь каплицы, где ярко светило солнце и зеленели деревья.

Был поздний утренний час. Несколько отдыхающих из местного дома отдыха, возглавляемые энергичным молодым человеком спортивного склада, решили осмотреть это довольно старое кладбище. Энергичный молодой человек — это был лейтенант Лактионов — еще вчера во время вечерней прогулки предложил совершить сию экскурсию, которая и в самом деле оказалась интересной.

Кладбищенские надгробия представляют собой своеобразную летопись, рассказывают об ушедших людях. На этом кладбище перед экскурсантами, переходившими от могилы к могиле, воскресали эпохи, судьбы. Надпись на одной изъеденной временем серой гранитной плите сообщала, что под ней покоится прах генерал-аншефа «из свиты его величе-

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

И действительно, Серфик с тем же скучающе-высокомерным видом довольно скоро вышел. Лениво огляделся, прикинул, где людей погуще, и направился туда.

Вскоре майору Савину доложили:

— Серфик потолкался среди людей, пошел к скамейкам. Там увидел Бронникову и еле заметно среагировал на это. Попросил какого-то гражданина подвинуться, но сесть удалось не рядом с Бронниковой, а через одного человека. Серфик поставил себе на колени чемоданчик и начал постукивать по нему пальцами, мурлыча какой-то мотив. Бронникова, явно интересуясь бородачом, повернулась в его сторону. Тот либо не заметил ее движения, либо не захотел заметить. Возможно, он ждал более подходящего момента. Но тут к Серфику подошел какой-то парень примерно одного с ним возраста и что-то коротко сказал. В ответ Серфик сделал непонимающее лицо и пожал плечами. Парень отошел. А через несколько минут и сам бородач, так и не вступив в контакт с Бронниковой, покинул скамейку. Пошел в кафе — оно на втором этаже, — взял кофе и коньяк. Сейчас сидит за столиком и вовсю треплется с двумя милыми соседками.

— А Бронникова, — быстро спросил майор. — Пошла за ним?

— Нет, продолжает сидеть на скамейке.

— И он ничего не передал ей?

— Ничего.

Началась посадка на теплоход. До того, как подняться на борт, пассажиры должны были пройти таможенный досмотр. В большом зале на определенном расстоянии одна от другой стояли кабины таможенников. Работник таможни ставил на стойку чемодан, раскрывал его и проверял содержимое. После проверки чемодан ставился на тележку. По мере наполнения тележки грузчики отвозили вещи на теплоход.

А сам турист выходил на причал, поднимался по трапу и наверху, при входе на судно, предъявлял пограничнику паспорт. Взглянув на фотографию в паспорте и на владельца, пограничник отдавал честь и возвращал документ. Это означало, что данному гражданину Советского Союза граница открыта.

Чтобы не было ненужной толкотни, туристов разбили на группы. Руководитель каждой группы объявил, что женщинам предоставляется первоочередное право на таможенный досмотр. Надежда Ивановна Бронникова этим правом не воспользовалась, а предпочла ждать, пока подойдет ее очередь.

По залу между кабинами ходили пограничники-контролеры. Когда подошла очередь Бронниковой, стоявший неподалеку от нее пограничник, желая помочь красивой молодой женщине, легко поднял ее чемодан и поставил на борт кабины. Таможенник переставил чемодан к себе на смотровую стойку, раскрыл и просмотрел все вещи по одной, скользнул подушечками пальцев по дну изнутри, проверил, крепко ли приклеена подкладка. Закрыв чемодан, внимательно осмотрел линию наружных швов.

— Совсем новый, — наконец сказал таможенник. — Недавно покупали?

— Неделю назад, в Каунасе, — встревоженно ответила Бронникова. — Специально для поездки. А что?

— Ничего, все в порядке, — ответил таможенник.

Прежде чем отойти от таможенника, Бронникова достала из сумки носовой платочек, промокнула лоб и, указав на сумку, спросила:

— А это тоже нужно?

— Нет, это не нужно, — ответил таможенник.

День уже перевалил на вторую половину. Солнце опускалось за теплоход. Бронникова не спеша поднялась по рифленным металлическим ступеням трапа. У входа в загадочную глубь судовых помещений стояли два пограничника — солдат и сержант. Надежда Ивановна протянула сержанту свой заграничный паспорт, туристскую путевку и международное свидетельство о прививках. Сержант взял только паспорт. Долго листал его, присматривался к фотоснимку, прочитал серию и номер, вновь полистал и сказал:

— Пройдите, пожалуйста, вот с ним, — сержант указал на солдата.

Пожав плечами, Бронникова подчинилась. Пройдя вперед несколько шагов, они свернули вправо и двинулись по широкому, ярко освещенному коридору. У второй двери солдат остановился.

— Прошу сюда, — сказал он.

В каюте, куда вошла Бронникова, находилось три человека: два молодых моряка, один — невысокий крепкий в вязаной шапочке и рабочей куртке с треугольником тельняшки на груди, другой — повыше ростом и в кителе. Третий, постарше, в светлом спортивном костюме, сидел за столиком около иллюминатора. Это был майор Савин.

Когда майору доложили о «встрече» Бронниковой и Серфика, Александр Степанович понял, что узелок завязался.

Почему Серфик «не узнал» Бронникову? Ведь он наверняка пришел на Морской вокзал, чтоб увидеться с ней. Более того, он сел к ней на скамейку. Собирался передать документы, которые лежали в чемоданчике «атташе»? Но почему он этого не сделал?

Одно из объяснений: Серфика кто-то спугнул.

Это мог быть парень, обратившийся с вопросом. Случайный парень или сообщник, разнюхавший что-либо? Неизвестно.

Но если бородач спугнул, почему он не поспешил убраться прочь, а преспокойно отправился пить коньяк? Неизвестно.

Второе объяснение: документы уже у Бронниковой. Ей их могли передать раньше.

Это объяснение более правдоподобно. В него вписывается поведение Серфика. Бородач прислали проверить, на месте ли Бронникова. И для полного спокойствия побыть на берегу до отхода судна.

И, наконец, самое непонятное, где и когда Бронникова познакомилась с бородачом.

Майору Савину ясно было одно: действовать следует очень осмотрительно. За Бронниковой наблюдают. Вместе с другими туристами она должна спокойно подняться на теплоход, на виду у всех многочисленных провожающих. А затем... Это главное, для чего он здесь находится.

В каюту, о временном использовании которой в служебных целях майор Савин договорился с капитаном судна, были приглашены два понятых: боцман, член народной дружины, и моторист, председатель судкома.

Войдя, Бронникова обвела глазами присутствующих. К кому следует обратиться?

Она посмотрела на моряка в форменном кителе.

— У меня что-то с паспортом. Это к вам?

— Нет, это ко мне, — сказал майор Савин. — Присаживайтесь.

Надежда Ивановна осторожно присела в кожаное кресло.

— Ваш паспорт в порядке. Дело в другом, — сухова-то, но достаточно любезно сказал майор Савин. — Я из Комитета государственной безопасности, вот мое удостоверение. — Он достал из кармана служебный документ, но Бронникова не шевельнулась. Как только услышала это, окаменела.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НАЕМНИКОВ ГОТОВЯТ В ГОНДУРАСЕ

Военный лагерь в Пуэрто Кастилья — один из центров, в которых американские инструкторы готовят отряды наемников для вторжения в Никарагуа. В роли «воспитателей» выступают голловезы из пресловутых частей особого назначения, скандально известные «зеленые береты». Оружие американское, деньги американские, планы агрессии американские...

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

«ЛИШНИЕ» УЧИТЕЛЯ

Министр по делам культов земли Северный Рейн — Вестфалия (ФРГ) заявил газете «Вестдойче альгемайне», что в стране вполне возможно возрождение «классических карликовых школ», то есть школ, где ученики всех возрастов занимаются в одной классной комнате.

В Западной Германии из-за нехватки помещений 20 тысяч классов находятся под угрозой закрытия. В начале учебного года 2700 молодых учителей пытались найти работу по специальности — нашли ее только 1300 из них. По прогнозам министерства Северного Рейна — Вестфалии, к 1985 году безработными будут 12—15 тысяч учителей.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Расисты находят выход...

Молодой американский негр Джошуа Дэвис попытался устроиться учителем в одну из школ в Атланте, где появилось соответствующее вакантное место. Свою учебу в колледже он закончил с отличием, о чем свидетельствовал его диплом, но, несмотря на это, место учителя он не получил. И вот почему...

В Алабаме, Джорджии, Миссисипи, Флориде и других южных штатах США расисты придумали новый трюк против негритянской интеллигенции. Когда какой-либо негр (учитель, служащий, врач или юрист) пытается устроиться на вакантное место, его диплома оказывается недостаточно, он еще должен выдержать специальное «испытание», подготовленное, разумеется, белыми; оценивают результаты испытания, конечно, тоже белые. Результат: от половины до двух третей молодых педагогов — негров или индейцев остается за порогом школ. Протесты негритянских организаций, которые назвали новейший трюк расистов «академическим электрическим стулом», не возымел никакого действия.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

«САНИТАРНЫЙ КОРДОН» ВОКРУГ ВЕНЕЦИИ

По мнению специалистов, один из способов обеспечить экологическое равновесие в Венеции — создание лесозащитного пояса вокруг этой жемчужины лагун. Обширный парк будет выполнять роль «санитарного кордона». Идея его насаждения получила единодушное одобрение жителей Венеции, и муниципальный Департамент по защите окружающей среды организовал в Палаццо Грасси большую выставку на тему: «Лагуна: изменение экологической системы». Материалы экспозиции послужили основанием для разработки плана будущего национального парка площадью 60 тысяч га, который, как предполагается, спасет город от экологической катастрофы.

«УНИТА», ИТАЛИЯ

Тигры из Готвальдова

Этот симпатичный тигренок родился не в уссурийской тайге, а в зоопарке чехословацкого города Готвальдова. Зоопарк здесь — один из четырнадцати, существующих в ЧССР, специализируется на разведении тигров. Их охотно приобретают зоопарки многих стран.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Беда Ковентри

Город Ковентри, ставший символом военной трагедии и послевоенного возрождения, стал сегодня городом безработных. Сейчас здесь каждый пятый не имеет работы и ежемесячно теряют ее еще 500 горожан.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Сокровища с морского дна

Усовершенствование техники подводных исследований приводит к новым и новым сенсационным открытиям. Крупнейшие из тех, которые были сделаны в европейских водах, связано с затонувшим в 1725 году возле норвежского острова Рунде судном Ост-Индской компании «Акерендам». С двадцатиметровой глубины было поднято 6624 золотых и 49809 серебряных монет XVII—XVIII веков. Лишь недавно на аукционах в Западной Европе проданы последние монеты из числа извлеченных с морского дна.

Однако было бы неверно усматривать в подобного рода находках лишь удачу предприимчивых кладоискателей: найденные сокровища, как и поднятые части кораблей и находившиеся на борту предметы, являются важным источником для научных оценок и выводов, касающихся прежних эпох.

«ТАЙМ», США

Как «прозрели» моаи

Моаи — загадочные каменные великаны с острова Пасхи — снова привлекли внимание мировой прессы: они «прозрели». «Зрение» им вернул молодой археолог Серджио Рапу, местный житель, который заведует небольшим музеем в Хангарао — единственном населенном пункте на пустынном острове. При раскопках около древней «мастерской», где лежало несколько вытесанных статуй, он нашел куски кораллов, которые были старательно отполированы рукой человека. Осматривая находку, Рапу пришел к выводу, что перед ним — «глаза» молчаливых великанов. Соединив разрозненные части, археолог поставил их в пустующие глазницы, и моаи сразу же ожили, утратив свою суровость и недоступность.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

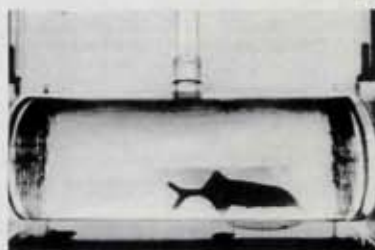

ЧУДО-ОГУРЕЦ

То, рядом с чем сфотографировалась маленькая Катрин, не ствол дерева, а гигантский огурец. Он вырос в саду ее отца Пауля Ланге в Ротгенштейне, близ Иены. Вот данные чудо-огурца: он итальянского сорта «Геркулес», имеет 158 сантиметров в длину и вес в 7,5 килограмма. Обществу садоводов ГДР неизвестно, что кому-нибудь удавалось выращивать огурец еще больших размеров.

«НОЙЕ БЕРЛИНЕР
ИЛЛЮСТРИТЕ»,
ГДР

СПАСЕТ ЛИ ЩУКА РЕЙН?

Рейн в переводе с немецкого означает «чистый». Что касается реки Рейн, одной из самых загрязненных в Европе, то ее название воспринимается как горькая насмешка. Последний рейнский рыбак давно уже выбросил в чулан свою сеть: в Рейне нет съедобной рыбы. Сброс промышленных предприятий и электростанций Швейцарии, ФРГ, Франции превращает реку в «европейскую клоаку». А ведь из нее берут питьевую воду для миллионов людей...

Чтобы следить за уровнем загрязнения и степенью опасности, в Рейне намечается поселить нильскую щуку — рыбу, реакцию которой на загрязнение удается особенно точно фиксировать. Спасет ли щука Рейн? Возникает и другой вопрос: сможет ли она хотя бы выжить в реке, название которой переводится словом, утратившим здесь всякий смысл?

«ШТЕРН», ФРГ

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Второй тур

В третьем номере «Смена» начала новый Конкурс эрудитов. На этот раз — разнотемный. Мы стараемся отобрать для него наиболее интересные вопросы из ваших писем, дорогие читатели.

Домашнее задание первого тура выполнили или, во всяком случае, постарались выполнить очень многие из вас. И пока жюри изучает ваши письма, чтобы подвести итоги первого тура и назвать его победителей, мы предлагаем второе задание.

Условия состязания остаются без изменений. Участвовать в конкурсе может любой наш читатель, независимо от возраста и профессии. В том числе, разумеется, и те из вас, кто по каким-либо причинам не смог участвовать в первом туре. Можно присылать письма с ответами на любое число вопросов, даже на один.

Тридцати победителям второго тура редакция журнала вручит призы — книги, альбомы, почетные дипломы.

Жюри конкурса еще раз обращается к вам с просьбой писать четко и разборчиво, на одной стороне листа. На вопросы отвечайте в том порядке, как они заданы. Каждый развернутый ответ предварите кратким, но точным ответом, причем лучше выделить его другим цветом чернил или подчеркнуть. Будет хорошо, если вы укажете источники, в которых нашли ответы.

Приятного и занимательного вам досуга, дорогие читатели!

Для второго тура мы отобрали из ваших писем такие вопросы:

1. В кремлевском кабинете В. И. Ленина есть чугунная скульптура: на круглом основании возвышается полуобнаженная мускулистая фигура рабочего. В правой руке у него молот, в левой — клещи. Под ударами молота кусок металла приобретает форму орала. У ног кузнеца — снаряд, пушечный ствол и сломанный меч. Этот подарок рабочих Владимир Ильич очень любил. Назовите скульптуру, а также формовщика и чеканщика, участвовавших в ее изготовлении. Где ее отлили?

В. ЕЛИСЕЕВ, село Ольховка Липецкой области

2. В мае 1942 года «Правда» напечатала корреспонденцию «Город Партизанск». Начинаясь она так: «Мы ходим по улицам города, который расположен далеко за линией фронта, в тылу врага. В городе живут несколько тысяч советских людей и нет ни одного немца. Они хозяйничали тут четыре месяца. Потом пришли партизаны и с треском вышибли их из города. В городе была восстановлена Советская власть. По понятным причинам, мы не можем назвать имени города...» О каком городе шла речь?

А. ТУНКЕЛЬ, Уфа

3. Какая картина первой побывала в космосе?

Л. ДАХАДАЕВ, г. Моздок Северо-Осетинской АССР

4. Героев какого морского сражения, которое закончилось победой российского флота, награждали медалью с лаконичной надписью: «Был»? Что означает эта надпись?

5. Примадонна Мариинского театра в Петербурге, она была бабушкой известного детского писателя, произведения которого мы все хорошо знаем. Специально для ее голоса замечательный русский композитор написал партию героини в одной из опер. Назовите певичку, писателя, композитора и его оперу. Партию героини в том виде, как она написана, после названной певички никто не исполнял. Почему?

Г. КРАСНИКОВА, г. Красногвардейск Самаркандской области

6. Когда и где был организован первый в СССР студенческий кружок по охране природы? Что изображено на эмблеме кружка?

Е. ИВАНОВ, пос. Гусятин Тернопольской области

7. Все знают, что «Конек-Горбунок» написал П. Ершов. А кто и когда написал сказку «Конек-Скакунок»?

**В. ДАРЖИЕВ,
пос. Агинское
Читинской области**

8. Назовите самую маленькую книжку в мире. Кто ее сделал? Из какого материала ее обложка?

О. ШАЛАГИНА, Целиноград

9. Алюминий был открыт в самом начале нашей эры. Об этом сохранилось письменное свидетельство древнеримского писателя и ученого в единственном дошедшем до нас его труде. Назовите писателя, его труд и причину, по которой открытие алюминия было предано забвению на восемнадцать столетий.

**М. КИРИЛЕНКО,
г. Березовка
Одесской области**

10. Мы по привычке считаем самым высоким и опасным на море девятый вал. А какой вал считали самым большим и опасным древние греки, древние римляне и какой считают американцы?

Ю. ЯКОВЛЕВ, Минск

11. Назовите один из островов мира, славящийся самым красивым и коренное население которого говорит на языке с решительным преобладанием гласных звуков над согласными, как ни в каком другом языке мира. Ни одно торжество, ни один праздник на островах не обходится без леи — венков. Какой цветок на островах самый популярный?

Т. ТАТАРИНЦЕВА, Сыктывкар

12. Кто из русских писателей подписывал свои ранние рассказы, опубликованные в газетах, именем Алеко, героя пушкинской поэмы? Чем он объяснял выбор такого псевдонима?

**О. ПОТАПОВА,
село Большие Уки Омской области**

13. Кто первым в мире и когда организовал детский сад? Какое популярное высказывание о детях принадлежит создателю?

К. ПЕТРОВСКАЯ, Симферополь

14. Всегда ли одинакова высота Эйфелевой башни в Париже?

Д. ЧЕРЕМНЫХ, Южно-Сахалинск

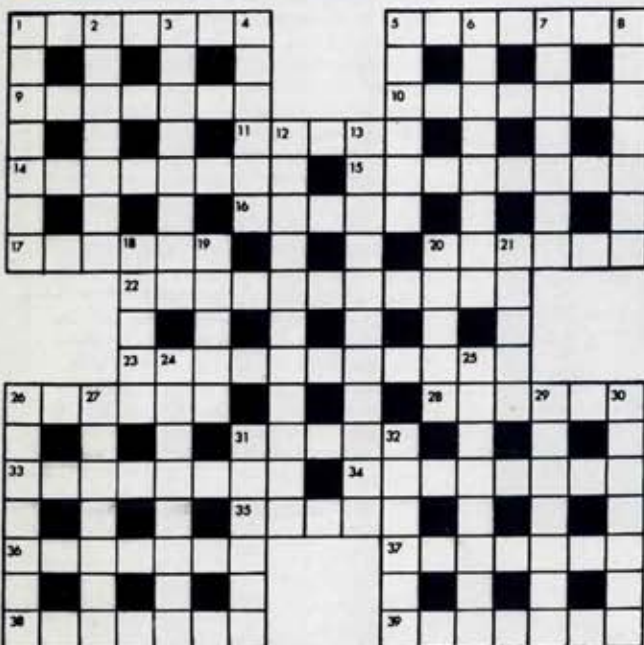
15. Птицы выкладывают гнезда пухом, травинками и другими материалами. А какая из наших птиц устилает гнездо рыбьими косточками? Где она устраивает гнездо?

Г. СИНИЦЫН, Рязань

**ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ЭТИ ВОПРОСЫ.
ПОСЛЕДНИЙ СРОК ИХ ОТПРАВКИ — 15 ИЮНЯ.
НА КОНВЕРТЕ ПОМЕТЬТЕ:
«КОНКУРС ЭРУДИТОВ. ВТОРОЙ ТУР».**

К Р О С С В О Р Д

Составил Н. Копытов,
г. Куеда
Пермской области

По горизонтали:

1. Мясное блюдо. 5. Почетное название композитора или дирижера оркестра. 9. Мясной цыпленок. 10. Полет пули после отскока от поверхности. 11. Арабский философ, последователь Аристотеля. 14. Один из холмов, на которых стоит Рим. 15. Случай, происшествие. 16. Головной убор. 17. Древнерусская денежная единица. 20. Северная морская птица. 22. Желтый бильярдный шар. 23. Ученый востоковед. 26. Бумага, заменяющая при перевязках вату. 28. Современная французская писательница. 31. Периодическое понижение уровня моря. 33. Белорусский писатель, автор книг о молодежи. 34. Ученая степень. 35. Автор многих памятников архитектуры в древнеримском городе Ани. 36. Возвышение для лектора, оратора. 37. Работник пищевой промышленности. 38. Безупречный образ мыслей и действий. 39. Представительница народа, живущего в Хабаровском крае.

По вертикали:

1. Известный русский книговед и библиофил. 2. Вечерний мужской пиджак. 3. Старинное метательное оружие. 4. Венгерский космонавт. 5. Картина, изображающая море. 6. Один из холмов, на которых стоит Рим. 7. Столица союзной республики. 8. Одно из чисел в арифметическом делении. 12. Окно на судне. 13. Историческая дисциплина, изучающая юридические документы. 18. Отросток нервной клетки. 19. Русская мера длины. 20. Болотная птица. 21. Французский философ и драматург, ученик Сопротивления. 24. Способ исполнения музыкальной пьесы. 25. Город и порт в Малайзии. 26. Типографская наборная машина. 27. Расстояние от поверхности до дна водоема. 29. Воинское звание. 30. Представительница населения автономной республики. 31. Музыкальный интервал. 32. Собеседник и помощник Шерлока Холмса в произведениях Конан-Дойля.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

4. Химик. 10. Отранто. 11. Реостат. 12. Лерка. 13. «Туннель». 14. Жонглер. 15. Дрофа. 18. Оселок. 20. Педант. 21. Контейнер. 22. Рекуператор. 26. Архипелаг. 29. Реверс. 30. Клемма. 31. Этика. 34. Турнепс. 35. Секунда. 36. Кювет. 37. Иравади. 38. Розетка. 39. Журна.

По вертикали:

1. Шортволл. 2. Траншея. 3. Анкерок. 4. Хольд. 5. Марго. 6. «Кража». 7. Пойнтер. 8. Стеллаж. 9. Открытка. 16. Ротапринт. 17. Фейерверк. 19. Конкурс. 20. Пестрак. 23. Воротник. 24. Глашатай. 25. Дворжак. 26. «Арсенал». 27. Глюкоза. 28. «Юманите». 31. Эскиз. 32. Инвар. 33. Астра.

Музыка Евгения МАРТЫНОВА
Стихи Игоря ШАФЕРАНА

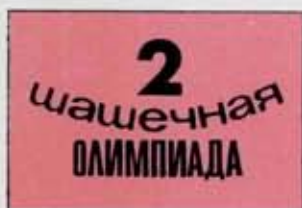
ЗЕМЛЯ ЦВЕТОВ

Радуга,
как будто вдруг упала радуга,
И на земле осталась радуга,
Таким запомню я тебя,
Мой край родной.
Радуют,
цветы всегда сердца нам радуют,
Своим дыханием чистым радуют,
Своею доброй красотой.

ПРИПЕВ:
Разные, мечты у всех,
конечно, разные,
И все же самые заветные

Переключаются мечты.
Только бы над миром
небо было ясное,
Над всеми небо было ясное
И на земле росли цветы.
По сердцу,
все на земле мне этой по сердцу,
Все до росинки малой по сердцу,
И самому себе завидовать готов.
Простятся,
цветы к любимым сами простятся,
Ко всем хорошим людям простятся,
Ну что за радость без цветов?!

ШАХМАТЫШАШКИШАХМАТЫШАШКИШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

Призы гроссмейстера

В шашечной олимпиаде «Смены» принимают участие не только начинающие любители шашек, но и мастера спорта. Проявляют интерес к ней известные тренеры, композиторы, авторы шашечных книг, гроссмейстеры. Победителям первой олимпиады известны имена чемпионов мира Анатолия Гантварга и Владимира Агафонова: автографы гроссмейстеров на книгах — призы «Смены».

Для будущих победителей второй олимпиады В. Агафонов прислал в редакцию 10 экземпляров своей книги «Комбинация. Международные шашки», выпущенной издательством «Физкультура и спорт».

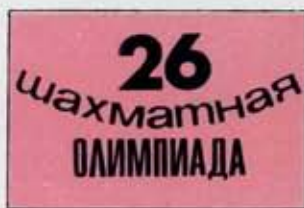
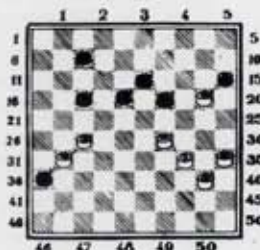
Книга представляет собой сборник комбинационных партий по международным шашкам, сыгранных с 1953 по 1982 год на внутрисоюзных, международных и зарубежных турнирах. Чтобы показать связь между стратегией и тактикой, а также выявить красоту про-

веденных комбинаций, автор дает партии от начала до комбинационного «взрыва». Комбинации классифицированы по темам. Материал для этой книги тщательно подбирался автором на протяжении 30 лет. За все эти годы удалось отобрать около 400 примеров, выделяющихся свежестью, оригинальностью, сложностью и красотой. В партиях советских и зарубежных мастеров встречались тысячи комбинационных ударов, но те, что приведены в книге, единственные в своем роде.

Восьмой тур

1.—2. В.Свизинский (Минск)
Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 4 балла).
Последний срок отправки ответов на задания восьмого тура — 15 июня (по почтовому штемпелю). Не забудьте сделать пометку «2-я шашечная олимпиада. 8-й тур».

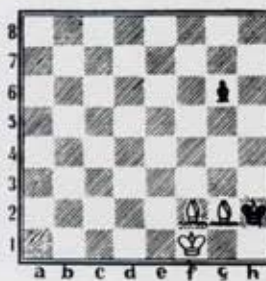

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Возвращение

В задачах, чаще всего многоходовых, с четкой маневренной игрой авторский замысел приобретает особую привлекательность и тематическую стройность, если главная действующая фигура белых, вызвав своими ходами решающие ослабления в позиции черных, неожиданно возвращается на первоначальное место. Так называемая тема возврата. Этой теме

отвечают, например, все задачи, решение которых основано на потере темпа. Но не только они.
В приводимой ниже задаче белым нужно всего лишь подождать, пока черная пешка заблокирует поле g3. В этот момент белые фигуры должны занимать свои первоначальные позиции.

Мат в 4 хода

К цели ведет однозначный маршрут слона f2: 1. Ch4! g5 2. Ce1! g4 3. Cf2! — это возвращение слона на исходную позицию красиво завершает его маневр! — 3...g3 4. Cg1x.

А теперь два тематических задания.

Восьмой тур

1
Белые: Kрd8, Лe1, Лf5, пп. b4, d5 (5)
Черные: Kрd6, Ce2 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Kрc2, Фa5, Ca8, Kb7, п. e3 (5)

Черные: Kрc4, Лc6 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 8-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 15 июня.

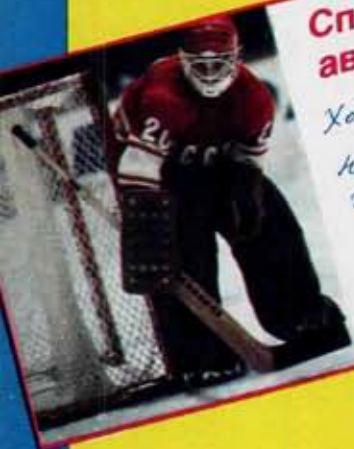
Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 05.03.84. Подписано к печати 19.03.84. А 09947. Формат 70 × 108¹/₂. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 917. Заказ № 2377. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Спортивный автограф

Хоккей — прекрасный вид спорта.
Но спорт — лишь часть человеческой
жизни, не забываете об этом.

В. Третьяк

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! НАПОМИНАЕМ, ЧТО МАТЕРИАЛЫ ЭТОЙ РУБРИКИ МЫ ГОТОВИМ ПО ВАШИМ ПРОСЬБАМ. О ВЛАДИСЛАВЕ ТРЕТЬЯКЕ ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ В. ИВЧЕНКО (НОВГОРОД), С. ЕРМОХИН (ЗАГОРСК), А. И. О. МАСЛОВЫ (ПОС. КРАСНЫЙ ЯР ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛ.), Н. ПЕТРЕНКО (НОВГОРОД), О. ЧИБИСОВА (ПОС. ВЕЙДЕЛЕНКА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛ.), СЕМЬЯ ИВАКИНЫХ (НЕФТЕЮГАНСК ТЮМЕНСКОЙ ОБЛ.) И ДРУГИЕ.

Вечером под Новый год на даче в подмосковной Загорянке украшали елку. Бабушки и дедушки распаковывали коробки с елочными украшениями. Дочь развешивала игрушки на нижних ветках — дотянуться выше не хватало роста. Сын с матерью окутывали гирляндами середину дерева. Ну, а украшением макушки елки мог заниматься только отец, Владислав Александрович, — остальным это занятие было не по силам. Вернее, не по росту.

Обычная предновогодняя суета? Может быть, и обычная, да не совсем. Не совсем, потому...

...что впервые более чем за десять лет Владислав Третьяк в этот день находился не где-нибудь за океаном, в хоккейном турне, а в кругу большой и дружной семьи;

...что еще утром в этот последний день уходящего года, когда большинство людей уже предвкушает новогоднее застолье, глава семьи, отец двоих детей бежал на лыжах по дистанции кросса в Новогорске;

...что на все — и новогодние и семейные — радости ему, заслуженному мастеру спорта, вратарю хоккейной сборной СССР, было отпущено всего два дня.

Иначе и невозможно было — шла подготовка к Белой Олимпиаде в Сараево, к четвертой для Владислава Олимпиаде.

Четвертая Олимпиада — даже просто участие в четырех соревнованиях такого масштаба и ранга — уже достижение. А Владислав Третьяк не «просто участвовал»: в Саппоро и Инсбруке стал олимпийским чемпионом, в Лейк-Плэсиде — серебряным призером. В промежутках же между олимпийскими турнирами разыгрывались чемпионаты мира и Европы, проходили встречи с канадскими профессионалами, в которых Владислав неизменно...

Впрочем, о достижениях Третьяка на вратарском поприще уже столько рассказано, что ограничимся пока лишь данными статистики. С 1970 года, когда Владислав дебютировал в сборной СССР, он десять раз завоевывал титулы чемпиона мира. Не считая званий рангом пониже. Коренной «цесковец» в команде мастеров с 1967 года, а начал учиться азам хоккея в детской хоккейной школе ЦСКА.

...Привела 12-летнего Владика в хоккейную школу мама. Она сама в прошлом играла в хоккей — правда, в хоккей с мячом — и считала этот вид спорта чрезвычайно полезным.

Поначалу будущего вратаря № 1 сделали нападающим — тогда считалось, что высоким ребятам не место в воротах. Но, к счастью для хоккея, нападающему Третьяку формы не хватило. Да к тому же выяснилось, что вратарская амуниция в наличии есть, но нет желающих занять пост в воротах. И Владик, прельстившись ловушкой и прочими вратарскими атрибутами, превратился из нападающего в голкипера.

В 16 лет Третьяк уже тренировался с мастерами. Анатолий Тарасов, тренер ищущий и проницательный, увидел в нем вратаря, которого искал много лет. И дело было не столько в таланте и отличных физических данных Владислава, сколько, как любит сейчас вспоминать Анатолий Владимирович, в характере Третьяка, в его отношении к делу. Оба — и учитель и ученик — стремились к совершенству. Оба трудились, не покладая рук, — искали новые приемы, анализировали успехи и неудачи. И не случайно на книжной полке Третьяка стали появляться книги по психологии и физиологии.

Есть спортсмены, для которых весь мир ограничен рамками спортивной площадки. Но уозсть кругозора в конце концов мстит — и на той же площадке и в жизни. Третьяк рано понял эту истину. И, тренируясь не меньше, а даже больше многих, он всегда находил, выкраивал время для учебы, общественной деятельности.

На XVII съезде комсомола Владислав был избран членом ЦК ВЛКСМ. Окончив институт, он посчитал, что многого еще не знает, и поступил в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Стоит ли удивляться, что, побеседовав с Владиславом, зарубежные журналисты бьются поражены разносторонностью его знаний. Игре же Третьяка на хоккейной площадке они уже не поражаются. Отучены. Еще с 1972 года.

Тогда перед серией встреч СССР — Канада североамериканская пресса писала: «Ворота русских собирается защищать ребенок, поэтому наши форварды должны быть к нему снисходительны». После же матчей тон был иным. Вратарь сборной Канады Тони Эспозито сказал в интервью: «Мы, врагари-профессионалы, в этих матчах с русскими играли, как любители, Третьяк — как профессионал высшего класса...» Как видите, при всей специфичности формулировок, признание налицо.

Ныне же, почти 12 лет спустя, североамериканской прессе нет нужды тратить лишние слова и газетную площадь: по мнению канадцев, равных в хоккее Третьяку нет.

Подтверждает это и статистика. Теперь, после Сараево, Владислав Третьяк — единственный вратарь мира, трижды становившийся олимпийским чемпионом.

Дмитрий РЫЖКОВ

Фото
Анатолия
БОЧИННИНА

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820